

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
I. Казань во второй половинѣ XVI вѣка	3.
II. Характеръ мѣстности, на которой была построена Казань	6.
III. Администрація города и края, административныя лица, суды, внутреннія полицейскія мѣры для благоустройства города и мѣры для защиты отъ внезапныхъ нападеній	16.
IV. Населеніе города Казани въ XVI вѣкѣ; казанская аристократія тогданиаго времени, казанскіе опальные и переселенцы и ногородные: церкви и духовенство, стрѣльцы, пушкари, зелейщики, новокрещены	30.
V. Казанскій Кремль въ XVI вѣкѣ: городскія стѣны и ворота, Спасская башня съ церковью Спаса-Нерукотвореннаго, Царскій дворецъ, Спасо-Преображенскій монастырь, Соборъ Благовѣщенскій и прочія церкви кремлевскія, дворъ Архіепископа, Сумбекина башня и старый Ханскій дворъ	72.
VI. Казанскій посадъ XVI вѣка: гостиный дворъ, главныя улицы, ихъ число и направление: входилъ ли Булакъ въ татарскую Казань и въ татарскую крѣость прежде и во время осады ея въ 1522 г.; церкви, острогъ вокругъ посада, ворота Казанского острога, названія ихъ русскія и татарскія	156.
VII. Ходъ осады и взятія Казани въ 1552 году русскими войсками	204.

Ливонского похода, у Свіяжскихъ татаръ головою былъ князь Иванъ Михайловичъ Чермвый-Боратинской, а у Казанскихъ Никиф. Павл. Чепчуговъ.⁽¹⁾ Татарское войско обыкновенно въ походахъ отличалось склонностью къ грабежу и жестокостями; впрочемъ въ то время подобные качества войска не считались предосудительными: непріятельская земля заранѣе обрекалась на всевозможныя кары. Но плохо было со стороны татарскихъ витязей то, что они не умѣли отличать друга отъ недруга, когда у нихъ расходится рука. Изъ челобитной, поданной Михаилу Феодоровичу Кирилломъ игуменомъ и братию Вологодского Спасскаго Прилуцкаго монастыря, ⁽²⁾ видно, что Касимовскіе татары, подъ предводительствомъ царя ихъ Арслана, вмѣсто защиты края отъ Польскихъ и воровскихъ шаекъ жителей Вологодского края грабили монастыри, пищали крестьянъ, вымучивали у нихъ деньги, вѣшая для этого людей вверхъ ногами, безъ рубашекъ сажая въ подполь, отчего люди умирали или заболевали па смерть.» Впрочемъ было много служилыхъ татаръ, которые своей боевой службой приобрѣтали право на вознагражденіе землями. ⁽³⁾

~~~~~
V.

Казавскій Кремль въ XVI вѣкѣ: городскія стѣны и ворота, Спасская башня съ церковью Спаса-Нерукотвореннаго, Царскій дворецъ, Спасо-Преображенскій монастырь, Соборъ Благовѣщенскій и прочія церкви кремлевскія, дворъ Архіепископа, Сумбекина башня и старый ханскій дворъ.

Мы говорили выше, что въ Писцовой книгѣ XVI в. первые листы, на которыхъ находилось описание Казанскаго Кремля, утрачены; потому возстановить очертаніе Кремля

---

(1) Рус. Древ. Виол. изд. 2-е XIV, 351 и сл.

(2) Акт. Археогр. Эксп. т. III, стр. 11—19.

(3) Акты историч. и юридич. собр. Мельникова. Т. I. №№ V, VI, VII, X, XI, XXVIII, XLVI и др.

возможно лишь по соображению мѣстъ Писцовой книги съ показаніями другихъ источниковъ позднѣшаго времени. Остатокъ Писцовой книги начинается измѣреніемъ юго-восточнаго фаса Кремля, а именно: «отъ наугольные стрѣльни до Спасскихъ воротъ каменны стѣны мѣры 26 саж., верхняго изъ оконъ 17-ть боевъ и пижняго пять боевъ.» Отъ угловой башни, стоящей противъ дома Городскаго Общества, у съѣзда въ Засыпкину улицу, до Спасскихъ воротъ дѣйствительно 26 сажень и на стѣнѣ стрѣльницѣ 17, есть и нижнія амбразуры, которыхъ слѣды еще видны въ зданіи Военно-тюремнаго замка, закладены. Эта часть Казанской стѣны такъ сходна съ Московскими стѣнами, которыхъ постройка относится къ XVI вѣку, материалъ, изъ котораго она устроена и наконецъ совершенное сходство съ описью этой части стѣны Писцовой книги не оставляютъ сомнѣнія въ ея тождѣствѣ съ стѣнами вокругъ Кремля, сдѣланнми въ XVI вѣкѣ. Форма стрѣльницѣ совершенно сходна съ стрѣльницами Московскаго Кремля около Спасскихъ воротъ, построенныхъ при Ioannѣ III Antonomъ Фрациномъ. Мы знаемъ, что Казанская стѣна были сдѣланы изъ бѣлаго камня. Въ Царской грамотѣ къ Новгородскимъ дьякамъ Феодору Еремееву и Казарину Дубровскому 1555 года, 15 Декабри Грозный дѣлаетъ заботливый распоряженія об устройствѣ Кремлевской стѣны въ Казани. «Велѣлъ есьми, пишеть Царь, Псковскому дьяку Шернико Билибинау, да старостамъ Псковскимъ Богдану Ковырлину, да Семену Мизинову, да съ ними церковному и городовому мастеру Поснику Яковлеву, да каменщикамъ Псковскимъ Иванку Шираю съ товарищи, къ веспѣ въ Казани новый городъ⁽¹⁾ Казань каменъ дѣлати, прибрати двѣсти человѣкъ Псков-

---

(¹) Въ нашей древней письменности слово «городъ» употребляется въ четырехъ значеніяхъ: 1) въ смыслѣ ограды или укрепленныхъ городскихъ стѣнъ, 2) въ смыслѣ укрепленной мѣстности и вообще укрепленнаго пункта народнаго поселенія 3) въ смыслѣ административнаго и территориальнаго центра и 4) въ смыслѣ промышленнаго центра. Здѣсь употреблено слово «городъ» въ первомъ его значеніи.

скихъ каменщиковъ, стѣнщиковъ, да ломцовъ, сколько будетъ человѣкъ пригоже; да и то есьми имъ велѣль смытити и на списокъ написати, сколько тѣмъ каменщикомъ и ломцомъ надобѣ ломовыс снасти, чѣмъ камень ломити, ломовъ, и кирекъ, и желнъ, и заступовъ, и лопатъ и иные всякия снасти, чѣмъ камень ломити. И вы бъ, часа того, въ Новгородѣ велѣли смытити, сколько станетъ въ дѣлѣ пудъ жельза, доброго, мягкого, съ угольемъ и съ укладомъ, и что кузнецомъ отъ дѣла и казакамъ найму дати, то бѣ-есте все смытити порознь, да о томъ о всемъ отписати къ намъ подцено часа того. А выбрали-бѣ есте жельзо и укладъ по ихъ любови, каково полюбятъ Посникъ съ каменщиками, да головщики.»⁽¹⁾

Рассматривая материалъ, изъ котораго были складены часть Казанскихъ кремлевскихъ стѣнъ, Церковь Нерукотворенного Спаса (Казанская Кремлевская церковь) и нѣкоторыя части церквей: Николы-Ратнаго, Собора Преображенія Господня и Благовѣщенскаго Собора, мы невольно придемъ къ заключенію, что это есть работа Псковскихъ каменщиковъ Ивана Ширля съ братіею. Материалъ для этихъ построекъ, очевидно, выломанный по нагорному берегу Волги известковый камень, хотя и не всегда правильной формы, но хорошо приложенный и поставленный на известковый цементъ. Камень этотъ, какъ мы убѣдились при перестройкѣ нѣкоторыхъ частей крѣпости и поименованныхъ выше церквей, очень старъ и очень проченъ. Изъ этого же камня выстроены передній фасъ крѣпости, гдѣ находятся Спасскія ворота, Спасскія ворота, часть сѣверо-восточной стороны Кремля до Пятницкой церкви гдѣ стѣна дѣлаетъ поворотъ къ востоку и часть сѣверо-западной ограды Кремля, западныя кремлевскія ворота, находящіяся въ Спасско-Преображенскомъ монастырѣ, противъ паперти Церкви Кипріана и Устиніи и въ настоящее время закладенные. По Писцовой книжѣ вокругъ Кремля было городовой каменной стѣны 300 саженъ силошной и потомъ той же стѣны, (вѣроятно въ сѣверной сторонѣ крѣпости) между городовыхъ дубовыхъ стѣнъ-15-ть саженъ. Новой городовой дубовой стѣны,

(1) Дополн. къ Истор. Актамъ, т. I. № 82-й

сдѣланной въ 1565 и 1566 годахъ, по Писцовой книгѣ значится 197 городенъ, мѣрою 578 сажень. Весь Кремль составлялъ площадь, имѣвшую въ окружности 893 саж. Кремль г. Казани въ XVI вѣкѣ «отъ Воскресенскихъ и Никольскихъ воротъ, отъ городовые стѣны, чрезъ царевъ старый татарскій) дворъ и отъ двора Большою улицею прямо мимо Государевъ дворъ (новый, русскій) до Спасскихъ воротъ имѣлъ въ длину 310 сажень, а поперегъ межъ Преображенскихъ и Никольскихъ воротъ, отъ городовыхъ стѣнъ, отъ круглыхъ деревянныхъ башни, по Тезинскому врагу до другіе городовыя деревянныя стѣны до Дмитріевскихъ воротъ — 137 сажень» (Писц. кн. стр. 6 и 16). Эта замѣтка показываетъ: 1) что Никольскія и Воскресенскія ворота, стоя на сѣверо-западномъ углу Казанского Кремля на одной линіи съ Преображенскими воротами, ограничивали, вмѣстѣ съ прилежащею къ обоимъ воротамъ стѣною, сѣверо-западный фасъ Кремля, при чёмъ Никольскія ворота нѣсколько выдавались на западъ, образуя исходящій уголъ; 2) что деревянные стѣны занимали часть сѣверо-западнаго и сѣверо-восточнаго фронтовъ Кремля; 4) что среднему пункту сѣверо-западной стороны Кремля соотвѣтствовали въ сѣверо-восточной его сторонѣ Дмитріевскія или Збойливыя ворота⁽¹⁾ и противъ этихъ послѣднихъ въ сѣверо-западной сторонѣ Кремля стояла не каменная, а деревянная башня круглой формы, называемая тогда стрѣльнею; 5) что Дмитріевскія ворота были деревянныя, такъ какъ стояли въ деревянной крѣпостной стѣнѣ, что и пояснено въ Писц. книгѣ, какъ мы увидимъ ниже, и наконецъ 6) что Дмитріевскія ворота должны соотвѣтствовать нынѣшнимъ, находящимся между Архіерейскимъ домомъ и Консисторіею. Такимъ образомъ, чтобы составить понятіе о планѣ Казанского Кремля въ XVI вѣкѣ у насъ есть всѣ данія. Кремль Казани въ XVI вѣкѣ составлялъ неправильную фигуру и имѣлъ пять воротъ. Писц. книга (стр. 6) говоритъ: «а воротъ у города четверы, затворы воротные

(1) Писц. кн., стр. 21. «Да въ городѣ же у Збойливыхъ воротъ, что именъ Дмитріевскія ворота, церковь Дмитрія Селѣнскаго».

въ каменныхъ стѣнахъ, а пятыя ворота подъ деревянною стрѣльнею.» Въ нынѣшнемъ Кремльѣ всѣ части стѣнъ, гдѣ предполагается прежняя деревянная стѣна, имѣютъ видъ позднейшей постройки; во-первыхъ, мы въ ней видимъ полное отсутствіе известковаго камня и, во-вторыхъ, у этихъ послѣднихъ нѣтъ стѣнки съ стрѣльницами. Эти позднейшия кладки стѣны ограничиваютъ часть нынѣшняго Казанскаго Кремля съ сѣверной и отчасти съ сѣверо-западной сторонъ. Измѣреніе площади, занимаемой нынѣшнимъ Казанскимъ Кремлемъ, почти совпадаетъ съ измѣреніемъ Писцовой книги. Геодезистъ Пестриковъ⁽¹⁾ въ XVI в. даетъ длины Кремлю 250 саж. и ширины противъ Архіерейскаго дома 120 с., а у Преображенскаго монастыря 80 саж. Для объясненія разница въ цифрахъ, нужно замѣтить, что Писцовая книга дѣлаетъ измѣреніе длины Кремля пѣсколько наискосъ отъ средняго пункта сѣверо-западной стѣны къ Спасскимъ воротамъ по Большой улицѣ, что даетъ пѣсколько большее разстояніе между крайними пунктами Кремля. Другое поперечное измѣреніе Кремля 137 саженъ идетъ отъ западной стороны Кремлевской стѣны до Димитріевскихъ воротъ, который могли стоять въ деревянной стѣнѣ XVI вѣка пѣсколько далѣе къ сѣверо-востоку, чѣмъ нынѣшнія Пятницкія. Очень можетъ быть, что сѣверо-восточная и западная части Казанскаго Кремля, при замѣнѣ деревянной стѣны каменою, получали болѣе прямолинейное очертаніе, что уменьшало его поперечное измѣреніе. Во всякомъ случаѣ, Казанскій Кремль былъ тогда неодинаковой ширины во всѣхъ пунктахъ. По описанію старинныхъ городовъ Костомарова, города наши никогда не имѣли правильныхъ очертаній. Въ одномъ мѣстѣ стѣна суживалась на 21 саж., въ другомъ расширялась на 98-ми⁽²⁾. Пестриковъ считаетъ такъ-же, какъ и Писцовая книга, пять воротъ въ Кремльѣ и ихъ порядокъ такой: Спасскія, Преображенскія, Никольскія, Воскресенскія и Дмитріевскія. Очевидно, исчисленіе идетъ влѣво отъ Спас-

(1) См. Изв. по Каз. Епарх., 1871 г., № 18, стр. 3.

(2) Очеркъ домаш. жиз. и нрав. великогр. народа, 1860 г., стр. 12-я.

скихъ воротъ къ западу съверу и востоку. Съ другой стороны нынѣшній видъ Казанскаго Кремля представляеть изъ себя вѣрный образецъ крѣпостей XVI вѣка. За древность Кремля говорить его сомкнутая фигура, съ одними исходящими углами, эта тонкая стѣнка (парашетъ), сдѣлаиная навершию самой стѣны и только-что замѣнившая старинные частоколы на городскому валу. Эта стѣнка доходитъ не до груди, какъ ее дѣлали прежде XVI вѣка, а превосходитъ высоту человѣческаго роста, въ стѣнѣ продѣланы стрѣльницы, нижней плоскости которыхъ данъ съамой крутой спускъ, чтобы обнаруживать лучше мѣсто око ло подошвы стѣны, и удобнѣе лить со стѣнъ въ на падающаго непріятеля варъ, смолу, нефть, бросать стрѣлы, съ которыми наши русскія войска не разставались, какъ мы видѣли выше изъ отчета Чемоданова, еще слишкомъ столѣтіе и наконецъ поражать атакующаго ружейнымъ огнемъ изъ рушницъ или ружей, наконецъ самая крѣпостная стѣна не превосходитъ 6-ти и 4-хъ сажень, столь обыкновенную высоту стѣнъ въ это время. Все это говорить за древность передней части Кремлевскихъ стѣнъ въ г. Казани. Въ тогдашнее время, для усиленія обороны па исходящихъ углахъ ограды, а иногда па длинныхъ сторонахъ крѣпостной стѣны, если разстояніе между исходящими углами превышало дальность полета стрѣлы (около 250 шаговъ), располагали башни, т. е сомкнутыя постройки въ нѣсколько этажей, съ открытою обороною на верху. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ старинныхъ крѣпостяхъ башни одна отъ другой отдѣлялись пространствомъ отъ 25 до 70 и даже до 150 сажень, (¹) да и въ одной крѣпости это пространство было неравно. Въ древней Казанской крѣпости было болѣе башенъ, но въ XVIII вѣкѣ Пестриковъ видѣлъ только четыре башни. Башни были различной формы, какъ мы видѣмъ и нынѣ въ Казани. Башни эти дѣлались въ нѣсколько этажей; нижніе этажи назначались для склада жизненныхъ припасовъ, оружія и другихъ средствъ обороны, а съ другой стороны могли служить безопаснымъ убѣжищемъ для обороняющихся отъ навѣснаго дѣйствія

(¹) Сравни Дополн. къ Ист. Акт. III, 101 и П., 155.

непріятельскихъ снарядовъ. Всѣ этажи башни, за исключениемъ нижняго, приспособлялись къ оборонѣ, для чего въ стѣнахъ башенъ продѣливались стрѣльницы, а по изобрѣтеніи огнестрѣльного оружія въ каждомъ этажѣ башни дѣлались амбразуры для пушекъ. Верхняя площацка обносилась парапетомъ съ стрѣльницами и служила средоточиемъ вооруженія башни. Башни значительно превышали стѣну и превышеніе это считалось необходимымъ, во-первыхъ, чтобы имѣть возможность обозрѣвать мѣстность впереди рва, слѣдить за движениемъ отдаленчаго непріятеля и своевременно занимать тѣ части стѣны войсками, которымъ угрожало непріятельское нападеніе; во вторыхъ, чтобы съ вершины башни занести сильное пораженіе непріателю, взобравшемуся на стѣну. Съ введеніемъ пушекъ орудія располагались во всѣхъ этажахъ башенъ, но преимущественно ими вооружалась платформа. Въ Казанскомъ Кремлѣ находятся башни, которыя своею формою свидѣтельствуютъ о принадлежности ихъ къ XVI вѣку. Первоначальную ихъ форму особенно можно хорошо изучить по башнѣ, находящейся во дворѣ Кремлевской Церкви, на юго-западномъ углу крѣпости, такъ какъ эта башня менѣе всѣхъ подверглась передѣлкѣ въ позднѣйшее время. На верху этой башни еще видны доселѣ парапеты съ зубцами, назначенными для пищалей, а въ двухъ нижнихъ этажахъ находятся амбразуры на три стороны, очевидно, для тяжелыхъ орудій. Прикрытие башни конической крышей, вѣроятно, сдѣлано въ позднѣйшее время, потому что для крылечнаго рѣшетника и балокъ неѣтъ въ стѣнѣ надлежащихъ гнѣздъ. Полы въ этажахъ башни уничтожены, но существованіе особыхъ дверей въ нижній и средній этажи доказываетъ обычное раздѣленіе башни на три яруса. При постройкѣ этой башни, а равно и стоящей недалеко отъ нея Спасской башни ясно видна попытка орудіями нижнаго этажа фланкировать рвы или подошву стѣнъ. Въ чёмъ состояло это фланкированіе рва или подошвы стѣнъ? Несмотря на покатость къ наружной сторонѣ нижней части стрѣльницъ, обстрѣливаніе съ высоты стѣнъ и башенъ мѣстности, лежащей впереди крѣпостныхъ стѣнъ, можно было начинать лишь на извѣстномъ разстояніи отъ крѣпостной ограды; отъ этого предъ самой крѣпостью и преимуще-

ственно во рву образовывалось пространство, которое невозможно было обстрѣливать со стѣнъ крѣпости. Это пространство называется въ фортификаціи пространствомъ, лишеннымъ обороны, или *необнаруживаемымъ выстрѣлами*. Непріятель, войдя въ это пространство, по спускѣ въ ровъ, могъ утвердиться у подошвы стѣнъ, заложить тамъ мину, прикрывшись досками или брусьями, и, взорвавъ ее, разрушить часть городской стѣны, или сдѣлать въ ней проломъ, или паконецъ подставить къ виѣшней сторонѣ стѣны лѣстницы и, отвлекши чѣмъ-либо внимание гарнизона, взобраться на городскія стѣны. Для продольного обстрѣливанія виѣшней стороны стѣнъ, сначала придумали строить во рвахъ крѣпости невысокія сооруженія, которыя пресекали ровъ подъ прямымъ угломъ; изъ боковыхъ стѣнъ этихъ казематовъ дѣйствовали ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, но, разумѣется, непріятель не дремалъ и тотчасъ же бралъ эти плохо укрѣпленныя здани. Тогда придумали башни выдавать болѣе изъ линіи крѣпостныхъ стѣнъ и въ бокахъ ихъ дѣлать амбразуры для орудій, изъ которыхъ можно было бы продольными выстрѣлами, паралельно направленію городскихъ стѣнъ, очищать ровъ и подошву стѣнъ отъ непріятеля. Точно такие сооруженія мы видимъ въ Казанскомъ Кремль. Въ нижнемъ этажѣ Спасской башни есть нижняя амбразуры для продольного обстрѣливанія подступовъ стѣнъ; кроме того съ обѣихъ сторонъ для этой цѣли сдѣланы особыя пристройки съ парапетами и съ стрѣльницами, имѣющими отлогую кнаружѣ нижнюю часть или подошву. Позади Консисторіи находится до сихъ поръ стѣнка, какъ-будто, каземата, назначенаго для обстрѣливанія Тезицкаго оврага или балки, оканчивавшейся Щельскими воротами. Особенность ея продольныхъ амбразуръ состоитъ въ сквозныхъ прорѣзахъ надъ некоторыми амбразурами; такие прорѣзы назначались для выхода дыма отъ выстрѣла. Въ сѣверо-восточной стѣнѣ прорѣзы сдѣланы, но очень грубо, въ стрѣльницахъ выше ихъ свода. Но въ Казанской кремлевской стѣнѣ яѣть павѣсныхъ стрѣльницъ или машинкулѣй, которыхъ поражаютъ насть своею ясностію въ совершенно позднѣйшихъ русскихъ крѣпостныхъ постройкахъ, напр. въ Варварскихъ воротахъ въ Москвѣ, въ стѣнахъ Дѣвицьлаго и въ воротахъ.

Кизического монастырей въ Казани. Машкули эти состояли въ выступахъ въ верхней части стѣны; въ нижней части этихъ выступовъ дѣлались отверстія, чрезъ которыя осаждающій могъ поражать навѣсными выстрѣлами пепріателя, находящагося впизу крѣпостной стѣны. Наконецъ нѣкоторыя части Кремлевской стѣны укрѣплены присыпанною сзади стѣнъ землею, которая образуетъ нѣчто въ родѣ вала со внутренней стороны крѣпости,— фортификаціонный пріемъ XV вѣка, имѣвшій своею цѣлію уменьшить въ примыкающей къ валу стѣнѣ сотрясеніе, производимое непріятельскими ядрами. Въ сѣверной части Казанского Кремля стѣны лишены парапета съ стрѣльницами, по за то имѣютъ что-то въ родѣ бруствера и эскарпа, которые, какъ известно, вошли въ нашу инженерную науку со временемъ Петра Великаго. Наконецъ можно замѣтить, что вѣшняя линія Казанскихъ городскихъ стѣнъ у подошвы оканчивалась крутыми земляными спусками и обрывами; бульвары вокругъ Кремля устроены очень недавно изъ присыпанной земли.

Затѣмъ попытаемся решить вопросъ: въ такомъ-ли видѣ, какъ нынѣ, существовала въ XVI вѣкѣ Спасская башня Казанского Кремля? Вопросъ этотъ чрезвычайно труденъ для решения и очень можетъ быть, что послѣ нашихъ соображеній, которыхъ мы намѣрены представить читателямъ, вопросъ останется по прежнему открытымъ. Определить древность какого-либо зданія весьма трудно, потому что у насъ на Руси очень часто одинъ вѣкъ повторялъ архитектурный стиль другаго вѣка. Подражаніе это въ Россіи иногда тянется чрезъ нѣсколько столѣтій.

Древность зданія опредѣляется прежде всего материаломъ, изъ которого оно построено. Мы выше сказали, что главнымъ материаломъ для постройки пижняго этажа Спасской башни служилъ мѣстный известнякъ. Ворота оканчиваются сводомъ изъ кирпичей, изъ кирпича же складены второй и третій этажи башни. Своды воротныхъ арокъ выведены изъ бѣлаго камня. Кирпичи, изъ которыхъ сдѣлана Спасская башня, въ длину $6\frac{2}{3}$ вершка, шириной $3\frac{1}{3}$ вершки и высотою въ $1\frac{1}{5}$ вершка; въсомъ кирпичи отъ $14\frac{1}{2}$, до 16-ти фунтовъ. Они плоски, неровны, темно-красного цвѣта и очень тверды; въ облицовкѣ верхней части башни попадается кирпичъ позд-

вѣйшей обработки, потому что башня, какъ мы знаемъ, была повреждена выстрѣлами изъ пушекъ, поставленныхъ Пугачевымъ на лаперти надворотной Гостинодворской церкви. Большой кирпичъ, изъ котораго сдѣлано зданіе, принадлежитъ, по своей формѣ, къ XVI в. Прежде кирпичъ дѣлали па Руси не въ ящикахъ или формахъ, какъ нынѣ, а совершенно первобытымъ способомъ: на полъ кирпичного завода настипался слой хорошо промѣшанной глины и прижимался рядомъ досокъ и стойками, утвержденными въ балки сараа. Послѣ этой операции слой глины разрѣзывался на кирпичи, которые сначала просушивались на медленномъ огнѣ, а потомъ хорошо обжигались. Ручная разрѣзка кирпича дѣлала его неправильной формы и мѣры.

Съ другой стороны архитектурная форма карнизовъ около оконъ Спасской башни, выдѣлянныхъ изъ простаго, а не изъ лекальчаго кирпича, простая квадратная форма (ширинки) украшеннѣй изъ кирпича, а не изъ бѣлаго камня расшивкою (или гусепкомъ), какъ дѣжалось въ позднѣйшее время, на парапетахъ башни, а подъ парапетомъ полски изъ кирпича, поставленнаго на ребро,—словомъ всякое отсутствіе валиковъ съ гранями, колонокъ, полуколонокъ, полукружий съ фризами, колонокъ съ дынями и т. п. и вообще всѣхъ затѣйливыхъ и разнообразныхъ архитектурныхъ украшеній, на которыхъ такъ была щедра архитектура XVII вѣка, (1) по нашему мнѣнію, доказываютъ происхожденіе Спасской башни въ XVI вѣкѣ. Точно такія же украшенія на парапетахъ употреблялись въ современныхъ построенію Казанскаго Кремля зданіяхъ, напр. въ зданіи Часовни близъ Переяславля-Залѣскаго, 1557-го года. Осматривая внутреннюю постройку башни, вы видите простую, аляповатую работу русскихъ мастеровъ, осторожныхъ, несмѣлыхъ, заботившихся прежде всего о прочности кладки. Своды башни пологи, какъ будто, мастера старались избѣгнуть сферической формы, оптукатурка стѣнъ сдѣлана не наброской по лекалу, а

(1) См. О различныхъ архит. украш. древняго русскаго искусства, въ Труд. Москов. Археол. Общ. Томъ I., стр. 6—12.

чрезъ простую обмазку лопаткой тонкимъ слоемъ извести по кирпичу и притомъ известью только-что обожженою, что придавало такую невѣдомую нашимъ современнымъ зданіямъ прочность.

Внѣшній видъ Спасской башни не представляетъ дисгармоніи между украшеніями того или другаго этажа, напротивъ во всей постройкѣ видна гармонія и та красота, которая присуща нашимъ древнимъ постройкамъ. Верхняя часть башни оканчивается особою башенкою, поставленною на платформѣ. Эта башенка такъ напоминаетъ намъ башенки *донжоновъ* въ укрѣпленныхъ замкахъ XIV и XV вѣковъ (напр. въ замкѣ Гильлярѣ, во Франції), но отличается отъ нихъ чисто-церковнымъ характеромъ постройки, съ сквозными арками и даже прорѣзными окнами въ шатровой крышѣ, для прохода звука отъ колоколовъ. Форма шатра, которымъ заканчивается Спасская башня, напоминаетъ верхи современныхъ ей Кремлевскихъ башенъ въ Москвѣ, Сновидскую монастырскую колокольню (близь Владимира на Клязьмѣ), построение которой относится къ Казанскому походу, или колокольню Старицкаго Собора, выстроенную въ 1558 году. (1)

Писцовая книга не упоминаетъ о Спасской башнѣ, но она не упоминаетъ о всѣхъ башняхъ и воротахъ всего Казанскаго Кремля; описание внѣшней Кремлевской ограды потеряно. Что касается до рисунка Казани, приложенного къ путешествію XVII вѣка Адама Олеарія, (2) то на немъ всѣ башни Казанскаго Кремля отличаются единообразiemъ, а внутренность Казанскаго Кремля совершенно неправдоподобна. Рисунокъ этотъ, вѣроятно, простой набросокъ съ Успенской горы, измѣненный еще болѣе по личному вкусу гравера. Въ этомъ рисункѣ дороги намъ его общія черты, а не детали. Наконецъ изъ описанія Писцовой книги мы не видимъ на Спасской башнѣ набатнаго колокола, находящагося тамъ вышь; онъ висѣлъ на особой рубленой часовнѣ по лѣвой сторону Спасскихъ воротъ. Но мы знаемъ, что и въ Москвѣ такой же колоколъ висѣлъ не на Спасской башнѣ, а на

(1) Русск. Старина Мартынова, 1867 г., стр. 24 и 29.

(2) См. франц. изданіе 1727 года *Voyages du s. Adam Olearius. Amsterdam.*, стр. 411.

особой башенкѣ рядомъ. Колоколь, теперь висящій на башнѣ, имѣетъ слѣдующія изображенія: Образъ Спасителя, Божіей Матери Казанской, Николая Чудотворца и мученицы Софіи и трехъ ея дочерей—Вѣры, іадежды и Любви; надписей на немъ нѣть, а есть пѣсколько фігурныхъ ионсковъ. Всю въ немъ болѣе 40 пудъ. По старинному обычаю, въ этотъ колоколь и доселѣ бываютъ сполохъ или набатъ во время Казанскихъ пожаровъ и звукъ его рѣзкій и высокій разносится по всей Казани, такъ какъ Спасская башня составляетъ самый высокій пунктъ Казани.

На лицевой юго-восточной сторонѣ Спасской башни, выше воротъ поставленъ на цементѣ въ особой рамѣ Образъ Спаса Нерукотвореннаго, очень большихъ размѣровъ. Образъ этотъ, какъ и самая Церковь Спаса Нерукотвореннаго, имѣеть свою исторію.

Въ Казанскомъ походѣ при Ioаннѣ IV было велико-княжеское большое знамя, съ изображеніемъ Нерукотвореннаго Образа Спасова. Оно играло весьма важную роль при взятіи Казани. Предъ этимъ знаменемъ духовенство, бывшее при Русскомъ войскѣ, служить молебенъ, когда ваша боевая армія начинаетъ развертываться, чтобы занять предназначенные ей мѣста около Казани. Страстный характеръ Ioанна не преминулъ проявиться при этомъ,—онъ льетъ слезы, смотря на Образъ Спасителя и выражаетъ непоколебимое упованіе на одолѣніе противниковъ. Лѣтописцы влагаютъ въ уста Царя витіеватую рѣчъ къ войску и воеводамъ и приводятъ отвѣтныя рѣчи Владимира Андреевича отъ лица воеводъ и войска. Этотъ эпизодъ изъ Казанской осады оканчивается молитвой Ioанна предъ образомъ.⁽¹⁾ Все это очень правдоподобно, если мы пришомнимъ, что Грозный любилъ поговорить и говорилъ витіевато, какъ большой начетчикъ. Далѣе это знамя играетъ видную роль въ послѣдній моментъ Ка-

(¹) См. Царств. кн., стр. 265 и 266. Ср. Ник. лѣт. Акад. изд.. ч. VII, стр. 151. Соф. Лѣт. въ Полн. собр. Рус. Лѣтописей, ч. VI, стр. 312 и Курб., стр. 20-я. Въ Ист. о Каз. царствѣ рѣчъ Царя отнесена ко 2-му Октябрю (стр. 225).

занского штурма. Городъ занятъ русскими, но татары еще не сдались, еще остается горсть храбрецовъ, которые боятся съ русскими въ съверной части города и даже переходятъ къ наступленію, когда замѣчаютъ, что часть русскихъ бросилась грабить городъ. Моментъ решительный, Казань можетъ ускользнуть изъ нашихъ рукъ, и вотъ Иоаннъ, по совѣту приближенныхъ, движется со знаменемъ въ Казань и вводятъ въ битву 20000 лучшаго войска. Казань взята, царь повелѣваетъ ставить церковь⁽¹⁾ на томъ мѣстѣ, где стояло Царское знамя или даже вокругъ знамени. Построеніемъ церкви и освященіемъ ея оканчивается великий день взятія Казани.

Обыкновеніе, свойственное всѣмъ древле-русскимъ городамъ, ставить на городскихъ воротахъ образъ въ честь какого-либо большаго праздника или святаго и называть по имени образа ворота, а иногда ставить на воротахъ церкви (напр. въ Киевѣ надъ Золотыми вратами) повторилось и при постройкѣ новой христіанской Казани. На миниатюрѣ Годуновской Псалтири Соловецк. Библіот. видны ворота съ башенкой и съ иконою (стр. 26). Образъ, находящійся на воротахъ Казани, въ настоящее время огражденный особой балюстрадой съ лѣстницами съ обѣихъ сторонъ, во имя Спаса Нерукотвореннаго носить на себѣ слѣды древности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и позднѣйшихъ поправокъ. Народное преданіе относится къ нему съ глубокимъ уваженіемъ, какъ къ Образу современному съ покореніемъ Казани. Въ Казани давно существовало сказаніе, что Образъ, поставленный на Спасскихъ воротахъ, сдѣланъ не только по образцу, но и по мѣрѣ знаменитаго знамени Царя Ивана Васильевича, на которомъ находилось изображеніе Спасова Нерукотвореннаго Образа, а вверху водруженъ былъ тотъ самый крестъ, который существовалъ Димитрю Донскому на Куликовскую битву.⁽²⁾ Это преданіе вполнѣ подтвердилось при изданіи въ 1865 году подробнаго описанія старинныхъ русскихъ знаменъ,

(1) Царств., книга, стр. 310. Насл. лѣт., стр. 181. Соф. лѣт. стр. 314. Ист. о Каз. цар., стр. 248-я.

(2) Царств. книга, 264 стр.

хранящихся въ Московской Оружейной Палатѣ. ⁽¹⁾ Оказалось, что знамя 1552 года хранится въ Оружейной Палатѣ, подъ № 3572, и мѣра его сходна съ мѣрою образа, находящагося на Спасскихъ воротахъ г. Казани. Любопытна дальнѣйшая судьба этого знамени. По возвращеніи изъ Казанскаго похода, это знамя хранилось въ *хоромахъ Государя на верху*, и въ 1686 году оно было при походѣ русскихъ въ Крымъ съ Княземъ Василіемъ Голицынымъ, потомъ подъ Азовымъ; въ послѣдній разъ оно является въ Шведскомъ походѣ въ Большомъ полку у Генер. Фельдмарш. Бориса Петровича Шереметева.

Начнемъ описание Казанскаго Кремля по Писцовыми книгамъ. ⁽²⁾

Спасскія ворота Казанскаго Кремля представляли, какъ и нынѣ, квадратное зданіе, сложенное частію изъ бѣлаго известковаго камня, частію изъ кирпича. Въ ворота входили съ востока и выходили изъ-подъ свода воротъ въ Кремль съ юга. Восточную воротную арку и въ настоящее время мы находимъ въ прежнемъ ея видѣ, южная занята недавно—въ семидесятомъ году архивомъ Контрольной Палаты и вовсе закладена. Въ восточной

(¹) Древн. Рос. Госуд. Дополн. III. Отд. Рус. стар. знамена. Москва. 1865 г. II разд. гл. I, стр. 1—3.

(²) Нахожу нужнымъ разъ павсегда сдѣлать оговорку, что всѣ свои предположенія объ архитектурныхъ особенностяхъ Казанскихъ зданій, древ. образахъ и утваряхъ я никогда не считаю неоспоримо вѣрными, какъ нельзя считать ничего непреложимъ въ нашей русской археологіи, наукѣ еще новой, наукѣ будущаго. Шаткость выводовъ, археологіи доказываютъ намъ недавнія раскопки въ Троѣ, исторія съ Синайской бібліей Тишендорфа и история съ монетой Игоря, найденной Кене. Всякую поправку я приму съ благодарностію, потому что *ergo age humanum est*, лишь бы только эта ошибка не имѣла ничего общаго съ юзузитскимъ *pia fraus*. Если я былъ введенъ въ ошибку, то вина въ этомъ падеть на тѣхъ лицъ, которые посыпали Казань и выказывали свою компетентность въ Археологическомъ дѣлѣ, которое нельзя изучить по книгѣ, особенно живя въ провинціи.

аркъ видны еще до сихъ поръ слѣды прорѣзовъ для опускныхъ рѣшетокъ или *герсоеvъ*, которыми замыкались ворота въ мирное время на ночь: онѣ охраились особыми сторожами *рѣшеточными*. Во время осады ворота съ обѣихъ арокъ запирались деревянными, обитыми толстымъ листовымъ жалѣзомъ, створами, а внутренность воротъ между входными арками заваливалась камнемъ или землею. Войдя въ первую арку воротъ, вы встрѣчаете дверь, ведущую на одну изъ боковыхъ стѣнокъ съ амбразурами, находящуюся съ запада надворотнаго зданія. Войдя на площадку этой боковой стѣнки по лѣстницѣ, вы поднимались и проходили въ самую церковь Нерукотворенаго Спаса, чрезъ южную дверь. Площадка не имѣла крыши и могла служить папертью для церкви. При перестройкѣ, входа въ Кремлевскую церковь въ 1870 году, обнаружилось, что слеги крыши для рѣшетинъ и балки положены прямо на стѣны парапета а гнѣзда для нихъ вырублены въ кирпичной кладкѣ. На паперти висѣло два колокола—пожертвованіе Царя Иоанна IV. Въ Писцовой книгѣ пишется: «На большихъ Спасскихъ воротахъ Церковь Спаса Нерукотворенаго Образа, (¹) строеніе все изъ Государевы казны..... да у церкви на паперти два колокола.» Внутренность церкви Спасова Нерукотворенаго Образа въ XVI вѣкѣ представлялась въ такомъ видѣ. Въ церковномъ иконостасѣ въ одномъ ряду стояли образа Царскаго пожертвованія, а именно—по правую сторону Царскихъ вратъ, сдѣланыхъ на лазурѣ, поставленъ бытъ храмовой Образъ Спасителевъ, позуторы пядницы (²) мѣрою; онъ бытъ обложенъ серебромъ и зо-

(¹) Писц. кн. 19—20 стр. Нужно различать въ Писцовой книгѣ слова: *поставление* и *строеніе*: первое обозначаетъ собственно вѣнчаное церковное строеніе, а второе—все внутренне уображеніе, какъ-то: утвари, образа различица и т. п. Ср. той же кн. стр. 10.

(²) Въ Академич. словарѣ, изданномъ въ прошломъ столѣтіи, слово *пядь* толкуется такъ: линейная мѣра, равная длици, заключающейся между растянутымъ большимъ и указательнымъ перстами. Въ Церковномъ словарѣ Прот. Алексѣева (изд. 1815 г.) слово *пядь* объясняется иѣсколько

зотомъ съ вѣнцомъ выбитымъ (т. е. чеканнымъ). По лѣвой сторону Царскихъ врагъ стоялъ Образъ Одигитріи, Вратарницы Смоленской, стоящей и нынѣ на главныхъ воротахъ этого древниго Русскаго города. Образъ Успенія и Образъ Умиленія или Псково-Чечерской Пресв. Богородицы (празднуемой въ 7-ю недѣлю по Пасхѣ) стояли въ прочихъ мѣстахъ иконостаса. За престоломъ возвышался Образъ Спаса-Вседержителя, сѣдящаго на престолѣ. Низкій иконостасъ, вѣроятно, имѣлъ двое дверей, т. е. Царскія и Сѣверныя, какъ обыкновенно устраивались наши древніе иконостасы и, какъ видно изъ Писц. книги, строились и Казанскіе иконостасы въ XVI вѣкѣ: въ описаніи Казанскаго Благовѣщенскаго Собора (10 стр.) сказано: «двери Царскія, да двери сїверскія на золотѣ.» И. М. Снегиревъ въ «Русской Старинѣ въ памятникахъ зодчества» (изд. 1860 г. т. 6-й 39-я стр.), по поводу описанія иконостаса въ селѣ Деуланѣ, говоритъ: «Въ церкви однѣ только сѣверныя двери, въ кои, по чиноположенію, на утрени Свѣтлаго Воскресенія исходилъ Настоятель на литію въ притворѣ.» Древняго иконостаса Кремлевской Церкви, разумѣется, не сохранилось, онъ сгорѣлъ въ 1815 году; при этомъ пожарѣ сгорѣлъ потолокъ и полъ Церкви Нерукотвореннаго Спаса, что на вратѣхъ, но не сгорѣлъ, по преданию, Образъ надъ воротами; у него, какъ говорили Казанскіе сторожилы, даже стекло въ рамѣ осталось цѣлымъ во время этого ужаснаго пожара, истребившаго весь Казанскій Кремль. Другія пожертвованія Грознаго въ церковь состояли: въ мѣдномъ вольтичномъ воздвигальномъ крестѣ, точно такомъ-же, какой мы ви-

---

иначе: Пядь, падень,—мѣра долготы, состоявшая изъ трехъ дланей, а каждая длань въ четыре перста, въ перстѣ же по четыре грани, т. е. зерна (*granum*). Мѣра эта взята изъ Свящ. Пис. Псал. XXVIII, 6, Иса. XL, 12, Суд. III, 5. Конечно, пальцы считались въ попечечномъ ихъ размѣрѣ, а не въ продольномъ. Мы знаемъ что саженная мѣра употреблялась у насъ еще въ XI вѣкѣ, но раздѣленіе ея было, по всей вѣроятности, не вездѣ одинаково. Алексѣй Михайловичъ въ 1654 году установить указомъ считать въ Россіи сажень въ 3 аршина.

димъ въ Спасскомъ монастырѣ. ⁽¹⁾ Крестъ этотъ былъ большой, употреблявшийся для воздвиженія при известныхъ церковныхъ празднествахъ, когда Настоятель выноситъ его па главѣ въ сѣверные врата на средину церкви. На одной изъ миниатюрь Псалтири ковшеннаго Боярина Димитрія Годунова, (Солов. Ббл.), стр. 357, изображено Воздвиженіе Креста. Настоятель несетъ на головѣ очень большой крестъ, который онъ держитъ надъ головой за рукоятку. Другой крестъ былъ деревянный «рѣзанъ на деревѣ». Евангеліе было также въ мѣдной оправѣ «поволочено бархатомъ посконнымъ.» ⁽²⁾ Мы видѣли выше, что при Кремлевской церкви состояло два священника; вероятно это было сдѣлано съ тою цѣллю, чтобы служба предъ Нерукотвореннымъ Спасовымъ Образомъ,

---

(¹) Въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ есть крестъ деревянный, обитый басменомъ; на немъ золоченое изображеніе Спасителя съ прямо-распростертыми руками и надписью: И. И. Ц. И. Сверху привели два Ангела и Херувимъ, какъ изображаются они на нашихъ старинныхъ мѣдныхъ литыхъ крестахъ.

(²) Атласъ гладкая,—глянцовитая матерія, вышедшая къ намъ изъ Персіи; атласъ былъ и шелковый и посконный, сдѣланный изъ пеньки или поскони.—Вообще нась можетъ удивить эта бѣдность жертвъ Царскихъ, особенно когда мы увидимъ въ послѣствіи, что и въ другія церкви Казани эти пожертвованія сдѣланы были и еще въ меньшемъ размѣрѣ (вапр. деревянные сосуды). Этому причиной цѣнность въ тогдашней Россіи благородныхъ металловъ. Какъ дорого было серебро и какъ наши Цари дорожили серебромъ и золотомъ, видно изъ слѣдующаго наивнаго разсказа Котошихина. Иные иностранные послы, когда за царскими обѣдами Царь присыпалъ имъ, ромашку и медъ, выпивъ присланное, клали за пазаху кубки и сосуды серебряные, «когда-де Царь пожаловалъ ихъ питьемъ и тѣмъ (со)судамъгодиться быть у нихъ.» Кубки не находили возможнымъ отбирать силомъ, да и споровитися съ бусурманомъ въ стыдъ, то для такихъ безстыдныхъ пословъ дѣлали нарочно въ Аглинской землѣ сосуды мѣдные посеребряные и позолоченные.» (стр. 57).

имѣвшимъ также важное значеніе при Казанскомъ взятіи, продолжалась всегда. Отъ русскаго духовенства Іоаннъ требовалъ неопустительного совершенія церковнаго Богослуженія, съ угрозой лишенія руки, какъ говоритьъ 30-е правило Стоглава. (Идан. Кожанчикова, 101 стр.) Церковь Спаса Нерукотвореннаго Образа числилась первою изъ городскихъ церквей послѣ Собора и его придѣловъ, какъ видно изъ Писцовой книги. При церкви былъ полный причтъ; два священника, дьячекъ, пономарь и просвирница. На церковное вино, на ладанъ и *теміанъ* выдавались отъ казны деньги. Теміаномъ называется растеніе *tymus*; едва-ли это не *Божье дерево*, которое бѣлоруссы зовутъ и доселѣ *темъянномъ*; впрочемъ у насъ были особые темъянные мастера, приготовлявшіе темъянъ изъ ладона, воска и различныхъ травъ. ⁽¹⁾

Спасская церковь, по всей вѣроятности, числилась при Царскомъ Дворцѣ, который стоялъ рядомъ съ якою тамъ, гдѣ нынѣ находится Военно-тюремный замокъ. И доселѣ сохранились слѣды хода изъ дворца въ Спасскую церковь по городовой стѣнѣ и по боковой оборонительной стѣнѣ во второй этажъ Спасской башни и изъ него особою дверью въ церковь, также сохранившіеся въ церкви доселѣ около праваго клироса. Очень можетъ быть, что чрезъ этотъ ходъ, закрытый со стороны Кремля, въ церковь ходили боярыни изъ Царскаго Дворца, по правиламъ тогдашней затворнической тюремной жизни, тщательно скрываясь отъ посторонняго глаза. Въ этомъ случаѣ высшія сословія вездѣ и всегда любятъ подражать обычаямъ двора. Но мы знаемъ, что наши Царицы очень строго придерживались старинныхъ обычаевъ, по которымъ Царицу не долженъ былъ видѣть никто изъ подданныхъ. Даже въ томъ случаѣ, когда она шла въ церковь, по словамъ Котошихина, вокругъ нея несли суконные полы для того, что люди зрѣть ее не могутъ, да и въ церкви становилась она въ скрытомъ мѣстѣ, завѣшанномъ легкою тафтою: ⁽²⁾ а когда прѣѣзжала въ мона-

(1) См. Акт. Археогр. Эксп. III, 191. Нынѣ въ Малороссіи для кажденія смѣшиваютъ при Богослуженіи ладонь съ ягодами и хвоями можжевелового кустарника.

(2) Котоших. стр. 14-я § 29.

стырь, то монахи не смѣли выходить изъ келлій. Тоже мы видимъ и въ жизни бояръ и боярынь. Какъ въ Царскомъ дворѣ Цари и Царицы слушали ежедневно службы церковныя у себя въ домѣ, въ моленной или домовой церкви, такъ и у бояръ большой и средней статей заутреню и часы, и молебень, и вечерню ежедневно отправляли священники *въ ихъ хоромъхъ*, а у обѣдни бывали они въ церквяхъ, кто гдѣ приходъ (своего прихода. ⁽¹⁾) Жены Казанскихъ Большихъ Бояръ и Воеводъ были непремѣнно боярыни близкія къ царицѣ, и потому высокаго тона, усвоившія вполнѣ обычай двора. У Котошихина есть любопытное извѣстіе, что Царскія кормилицы-боярыни за свою службу жаловались Царемъ тѣмъ, что мужья ихъ посылались на воеводство въ города. ⁽²⁾

Описывая Спасскую Церковь, нельзя не указать древней формы лицеваго фасада этой церкви, обращеннаго внутрь Кремля. Фасадъ выдѣланъ жалобами, которые оканчиваются закамарами. Вместо древнихъ узкихъ оконъ въ 1839 году, въ церкви пробиты окна широкія, испортившія фасадъ. Сойдемъ съ церковной паперти и войдемъ въ Кремль XVI вѣка. Въ томъ мѣстѣ, где нынѣ находится Военно-тюремный замокъ, а нѣсколько лѣтъ назадъ помѣщались Главная Гаубвахта и Ордонацъ-Гаузъ, стоялъ Царскій Дворецъ, занятый въ 1566 году Большимъ Воеводою Казанскимъ княземъ Петромъ Булгаковымъ. (Писц. кн. стр. 33.) Ширина Дворцовой ограды, которая начиналась прямо отъ Спасскихъ воротъ (нынѣшнія ворота въ стѣнѣ пробиты въ 1840 году), была 25 саженъ, следовательно ограда оканчивалась, не доходя нѣсколько саженъ до угловой башни или стрѣльни. ⁽³⁾ Въ длину дворъ

⁽¹⁾ Тамъ же, стр. 122-я.

⁽²⁾ Тамъ же, стр. 14. § 28. Мы приводимъ въ нашей статьѣ показанія Котошихина, хотя онъ жилъ въ XVII вѣкѣ; но строй русской старинной жизни образовался не въ одно столѣтіе и былъ настолько консервативенъ, что не допускалъ нововведеній. Показанія Котошихина отличаются совершенной откровенностью, — онъ писалъ свои записки вдали отъ Москвы.

⁽³⁾ Въ настоящей крѣпости отъ Спасскихъ воротъ до угловой башни 28 саженъ.

простирался на 60 сажень. «Ставятся, говоритъ Нисцовая книга, на Государевомъ дворѣ Государевы Царя и Великаго Князя Воеводы Больши» (страница 33.) Дворъ Царя и Великаго Князя не поражалъ ни своимъ внѣшнимъ великолѣпіемъ, ни обширностю своего внутренняго помѣщенія. Онъ, вѣроятно, стоялъ со всѣми пристройками, посреди довольно обширнаго двора, огражденаго заборомъ, съ узорчатыми крытыми воротами, съ различными воротными украшеніями и даже надворотной башенкой, образецъ какихъ мы видимъ въ Житіи Преп. Сергія XVI вѣка.⁽¹⁾ Домъ глядѣлъ на дворъ слюдяными окнами, небольшими, узкими. Въ Россіи лишь при Алексѣѣ Михайловичѣ начали дѣлать стекло. Слюдяные окна отличались мелкимъ, узорчатымъ желѣзнымъ переплетомъ. Матеріаломъ для построекъ Казанскаго Дворца, домовъ и почти всѣхъ церквей было дерево; матеріалъ этотъ въ изобиліи доставляла Казанская страна. Дома въ Казани XVI вѣка, вѣроятно, строились изъ толстыхъ бревенъ, между которыми бревна 10—12 вершковъ въ отрубѣ не считались особенною рѣдкостью. На Казанскомъ Пороховомъ заводѣ въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія еще существовалъ домъ одного дряхлаго пороховщика,—по преданію, одинъ изъ первыхъ домовъ, выстроенныхъ при Екатеринѣ II, при основаніи завода, изъ деревьевъ на этомъ мѣстѣ стоявшаго лѣса. Деревья этого дома были 14—16 вершковъ въ отрубѣ. Царскій Дворецъ составляла етоловая (она же и зимняя приемная), передъ которой во всю длину дома стояли скамьи на столбахъ, нѣчто въ родѣ холоднаго жилья или прѣмной, где ожидали боярина его подначальные люди, какъ ожидали на боярской площадкѣ въ Московскому Кремлевскому Дворцу бояре и прочие чины двора Царя. «А когда лутчата Царю сидѣти въ покояхъ своихъ и слушаетъ дѣль или слова разговорные говорить, разсказываетъ Котопихинъ,⁽²⁾ и бояре стоять передъ нимъ всѣ, а пристануть, стоя, и они выходить отдохнуть сидѣть на дворѣ.» Чинопочитаніе строго соблюдалось и намѣстниками въ городахъ. Прѣмная Казанскаго

⁽¹⁾ Тр. Моск. Арх. Общ. Прибавл. стр. 20.

⁽²⁾ Котош. стр. 24-я.

Дворца были очень скромныхъ размѣровъ; *столовал* была шести сажень межъ угловъ, а *слни* были въ длину 7-ми сажень безъ локтя, а въ ширину 6-ти сажень. Столовая стояла на *подклѣть*. Подклѣть составлялъ нижній этажъ жилаго зданія и преимущественно назначался для храненія жизненныхъ припасовъ. На сѣняхъ былъ чердакъ. Чердакъ строился надъ сѣнями и надъ горницами или жилыми строеніями, составляя часто особую пристройку и иногда довольно вычурную, какъ мы видимъ на рисункахъ къ извѣстному житію Бориса и Глѣба и житію Пр. Сергія. При Царскомъ Дворцѣ кромѣ того стояли горницы, постельныя или ложницы и повалушки. Они не отличались также обширностю. «Горница постельная съ комнатою передней; постельная была мѣрою 4-хъ сажень межъ угловъ, а комната 3-хъ сажень межъ угловъ, да передъ горницею сѣни на подсѣнь и въ длину 5 саж. а поперегъ 5 саж. съ локтемъ, да повалуша трехъ сажень съ локтемъ: да по сторонѣ повалушки чердакъ на столбахъ, а посторонь горницы и комнаты крыльцо на столбахъ проходное, горница задняя постельная съ комнатою (3 саж.)... да передъ горницею сѣни... да посторонь горницы и комнаты крыльцо на столбахъ проходное» (стр. 33.) Такъ описывается намъ Писцовая книга Казанскій Государевъ Дворецъ. Изъ описанія видно, что это было довольно приземистое зданіе, съ многочисленными пристройками неправильнаго вида, съ тѣсными комнатами, съ нѣсколькими крыльцами и повалушами. *Горница*, какъ самое название показываетъ, было строеніе горнее или верхнее, но оно не означало самый верхній этажъ зданія, а всегда располагалось въ среднемъ. Подъ именемъ *повалушки*, по мнѣнію гр. Уварова, должно разумѣть комнату, принадлежащую къ женскому отдѣленію, лежащую въ срединѣ жилыхъ покоевъ.⁽¹⁾ Чертакъ собственно означалъ теремъ, онъ дѣлался свѣтлѣе, убирался роскошаще прочихъ комнатъ.⁽²⁾ На хоромахъ Казанского дворца были выстроены чердаки или терема для женщинъ, въ которые входили отдельными крыльцами, такъ какъ женская половина

(¹) Очер. жиз. вел. нар. стр. 43.

(²) Тамъ-же, стр. 31.

вина была недоступна никому изъ постороннихъ. Верхъ дворца оканчивался, вѣролтно, высокой тесовой крышей съ слуховыми окнами, крыльцо было устроено бочкою, (¹) какъ мы видимъ на тогдашнихъ деревянныхъ Царскихъ Дворцахъ. У оконъ висѣли рѣзныя полотенца, а концы крыши украшены были разнообразными деревянными рѣзными подзорами. На дворѣ Царского Дворца находился ледникъ, а подъ каменною угловою башнею—погребъ и нынѣ существующій: въ Кремлевской стѣнѣ были двѣ палатки, да въ стѣнѣ-же устроены были двѣ печи. да на дворѣ изба хлѣбная и поварня досчанал: въ первой приготавлялось преимущественно все хлѣбное, а во второй приготавливались различные питья. Позади Царского двора шла улица, на которую выходили заднія ворота Царского двора.

Вотъ планъ и внутреннее устройство Царского Казанскаго Дворца. Въ немъ протекала жизнь Казанскаго Намѣстника, прерываемая браинными тревогами, частными посылками стрѣльцовъ, жильцовъ и дѣтей боярскихъ на Арскую землю, на мятежныхъ черемисъ и чувашъ, всегда почти оканчивавшимися побѣдою русскихъ и взятиемъ въ плѣнъ толпы возстававшихъ. Для острастки съ плѣнными поступали безъ милосердія. Въ лѣтописяхъ мы читаемъ въ родѣ слѣдующихъ замѣчаній «25 Декабря 1553 года, которые Казанцы хотѣли лихо чинити, Тугаевы дѣти съ товарищами, побили ихъ (посланыя войска), а досталь переймавъ (поймавши) 38 человѣкъ въ г. Казань привели, и воеводы ихъ велѣли за ихъ измѣну перевѣшати». Подъ 20-мъ числомъ того же года читаемъ, что Борисъ Салтыковъ перевѣшалъ многихъ пленныхъ, что воровалъ, 70 человѣкъ около Свілжска. (²) Этими казнями разнообразилась жизнь Казани въ XVI вѣкѣ. Обыденная жизнь бояръ нарушалась церковными праздниками, крестными ходами и празднованіемъ царскихъ дней. Случалось при

(¹) Такъ называлась въ деревянномъ зодчествѣ кровля, устроенная въ видѣ положенной падъ зданіемъ бочки. Бочки ставились или рядомъ, или съ трехъ сторонъ; и вверху оканчивались остриемъ или гребнемъ, узорчатой прорѣзной доской, а бока бочки обшивались въ стрѣлку.

(²) Щербат. Стр. 283 и 284.

Царскомъ дворѣ какая-либо радость: свадьба-ли царская или рожденіе царевича или царевны, и тогда наѣзжали изъ Москвы посланные отъ Государа, стольники или стряпчие. Воеводы принимали съ почетомъ царскихъ пословъ. Для пословъ и ради царской радости начинались въ Казани пиры у высшихъ властей. На воеводскомъ дворѣ происходило поздравление Царя: выставляли кади съ виномъ для стрѣльцовъ, меду и пива противъ того жалованного вина въ шестеро и въ семеро. Царскимъ угощеньемъ пользовались не одни стрѣльцы, но «кто хочетъ пить и окромъ стрѣльцовъ и ему пить вольно, а со двора къ себѣ никому домовъ(й) носити не дадутъ.»⁽¹⁾ Въ Церквяхъ и по монастырямъ происходила торжественная служба, а послѣ нея въ общежитіяхъ столъ для братіи на царской счетъ; изъ тюремъ освобождали виноватыхъ «кромъ самыхъ великихъ дѣлъ.» Царскихъ пословъ воеводы дарили. Опять невольно воспоминается замѣтка Котошихина. «А какъ пріѣдутъ послы въ Москву и ихъ спрашиваютъ, кто чѣмъ дарилъ, а кто подарилъ скучно, а человѣкъ богатый, о томъ Царь бываетъ гнѣвенъ.»⁽²⁾ Воеводы посыпали при этомъ подарки и Государю Царю Великому Князю—образа, золотыя и серебряные вещи и т. п. Одинъ изъ подобныхъ подарковъ сохранился отъ времена Грознаго въ ризницѣ Спасо-Преображенского монастыря; это—ковшъ, въ 3-ри гривенки,⁽³⁾ серебряный съ надписью по краямъ красивою, отчетливою вязью: «Изъ сего ковша кто учнетъ пить, а моля Бога Иисуса Христа, со Отцемъ и со Святымъ Духомъ въ Троицѣ славимаго, и хотя во всемъ добрал Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Руссии и его царскимъ дѣтемъ и ихъ землямъ и подданнымъ и ему бъ самому добро.» Ковшъ этотъ, подарокъ Царю кого-либо изъ бояръ, вѣроятно, былъ подаренъ въ монастырь самимъ Грознымъ и составляетъ одну изъ замѣчательныхъ вещей XVI вѣка въ Казани. Подарокъ Царю былъ сдѣланъ послѣ взятія

(*) Котош. 13 и 15-я.

(²) Тамъ-же, стр. 13-я.

(³) По вѣсу оказался ковшъ 1. ф. 6 з., следовательно гривенка была въ Казани равна $33\frac{2}{3}$ зол.

Казани, когда у Царя уже были дети. Бояринъ, принесший въ даръ ковшъ, намекаетъ въ надписи на искривленную свою доброжелательность къ Царю. При Царѣ Иоаннѣ IV плохо было тому, на кого доносили что онъ желаетъ Царю худа или лиха.

Для постоя царскихъ пословъ былъ устроенъ особый дворъ. Вотъ какъ его описываетъ Писцовая книга: «да противъ Преображенского монастыря у старые часовни, гдѣ были прежніе часы, у старые городовые городни, дворъ Царя и Великаго Князя, а ставятся на томъ дворѣ Государевы посланники.» По соображенію съ порядкомъ записей, Посольский дворъ стоялъ тамъ, гдѣ находится дворъ Кремлевской Церкви, рядомъ съ дьячьею избою. Дворъ этотъ не могъ стоять противъ нынѣшняго фасада монастыря, потому что вдоль всего фасада тянулась ограда Царскаго двора, а съ сѣверной стороны монастырь былъ окруженъ другими зданіями, какъ мы увидимъ ниже. Посольский дворъ состоялъ изъ двухъ горенокъ; одной рубленой изъ строеваго лѣса и другой досчаной; хоромы были ветхи (*ветчаны*), замѣчено въ книгѣ (стр. 33 и 34).

Теремная жизнь боярынь проходила еще съ большимъ единообразіемъ. Намъ извѣстно отчасти провожденіе времени тюремныхъ затворницъ. Большая часть его шла на участіе въ домашнихъ церковныхъ службахъ, меньшая на забавы, которые доставляли прохожія странники, доморощенныя сказочницы, а иногда домашніе *шпини* или *шпильманы* (шуты). Немалая доля времени посвящалась Сопикуму и Храповицкому, по мѣткому выраженію Гоголя; потому что пуховые перины и подушки русскихъ людей наполнили въ свое время уваженіемъ даже сердца такихъ важныхъ заѣзжихъ людей, каковъ былъ баронъ Мейербергъ.⁽¹⁾ Но все-таки къ чести нашихъ боярынь нужно сказать, что они не проводили время совершенно праздно. Мы имѣемъ обрашки усидчивыхъ, продолжавшихся по годамъ, но за то и прочныхъ работъ Казанскихъ боярынь XVI и XVII вѣковъ. Эти работы—вышитыя шелками, золотомъ и серебромъ, низанныя жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями церковные утвари, со-

(¹) Древн. Рус. Успенскаго, стр. 38-я.

храшившіся доселѣ въ ризницѣ Спасо-Преображенскаго монастыря, удивляютъ своею тщательностию, терпѣніемъ, а нѣкоторыя изъ нихъ вкусомъ, красотою узора и не рѣдко относительною правильностию рисунка.⁽¹⁾ Такъ и видно, что ихъ шили лучшіе мастерицы Царскихъ теремовъ. Краски шелковъ превосходно сохранились и поражаютъ яркостью колеровъ.

Противъ Царскаго Дворца стоялъ Спасо-Преображенскій монастырь. По описанію Писц. книги, монастырь не былъ такъ обширенъ, какъ нынѣ. «А мѣста Спасскаго монастыря подъ церквами, и подъ службами, и подъ кельями, и позади келей. съ выходными дворцами, и съ тѣмъ, что по Государевѣ присыльной грамотѣ къ тому же монастырю для пространства мѣсто прибавлено 41 сажень, а поперегъ 26 сажень (стр. 32—33.)» Площадь, которую

---

(1) Въ Писцовой книгѣ есть описи церковнаго имущества Благовѣщенскаго Собора и Преображенскаго монастыря. Въ этихъ описяхъ часто встрѣчаются имена тогдашнихъ князей и княгинь, жертвовавшихъ утвари въ церковь. Какъ мы будемъ видѣть ниже, эти утвари съ превосходными вышивками сохранились и доселѣ. Замѣчательно, что ни одна изъ жертвовательницъ не названа по имени, а просто «жена такого-то»—«а шила воздухъ князь Юрьева Темкина княгиня, а опушка прикладъ ее-жъ». (стр. 11.) «Княжъ Петровы княгини Татева сережки золотые.» (стр. 11.) «Два сударя шиты по камкѣ, по лазоревѣ, золотомъ и серебромъ и шелки... положилъ Князь Григорій Куракинъ.» (страница 12.). «Да воздухъ меньшой Деисусъ, а дала его Никитина жена Васильевича Бородина.» (стр. 29). Да ширинка щита золотомъ, что даль князь Иванъ Хворостинъ.» (страница 30.) Такимъ образомъ даже въ такихъ видахъ дѣятельности женщины, которые должны были уравнивать ее съ мужчиною, каковы—дѣла благочестія, несамостоятельность или *недомысліе*, *дѣтство* ея, какъ выражается Забѣлинъ (Быть рус. Царицъ, стр. 2 и 57), въ древней Руси проявлялись такъ же рѣзко, какъ во всей ея жизни. Подписать свое имя на утвари своихъ трудовъ, жертвуемой женою Князя въ Церковь, считалось зазорнымъ дѣломъ.

занимаетъ монастырь въ настоящее время, имѣть по пе-
реднему фасаду 43-ри сажени, а по боковому къ Волгѣ
 $48\frac{1}{2}$ сажень. Гдѣ длина и гдѣ ширина монастыря по
Писцовой книжѣ? Принимая во вниманіе направление мо-
настырскихъ зданій, которыхъ тянутся одно за другимъ по
направленію отъ запада къ востоку и особенно скучены
въ сѣверо-восточномъ углу монастырской ограды между
тѣмъ, какъ юго-восточная сторона ограды совершенно
пуста, должно заключить, что Спасскій монастырь въ
XVI вѣкѣ представлялъ довольно узкую площадь, у ко-
торой : оперечпал сторона примыкала къ Спасской улицѣ,
а длинная шла па западъ, къ Булаку. Кроме того въ
Писцовой книжѣ говорится о *новомъ мѣстѣ*, прибавлен-
номъ къ монастырю, по особой *Государевої присыльной*
грамотѣ. Эта замѣтка объясняется грамотою Иоанна Ва-
сильевича къ Казанскому Воеводѣ Князю Юрію Ивано-
вичу Темкину, да дѣлку Кузьмѣ Феодорову, присланною
въ 1562 году. Сентября 22-го. «Былъ намъ челомъ, гово-
рится въ грамотѣ, Казанскій архимандрітъ Варсонофій
съ братію, что-де у него монастырь тѣсень, новыхъ кел-
лій прибавить не гдѣ, а старыя стоять близъ церкви, а
подле-де ихъ монастыря къ *Никольскимъ воротамъ*, къ
Булаку съ ихъ монастырскаго угла порожнее мѣсто, (тутъ
прежде стояли дворы дѣтей болрскихъ Чудовицковъ, Ми-
хальцевъ, да Купрелновъ Полтевыхъ), что къ монастырю
прибавить еще, а лежитъ то мѣсто пусто... и намъ бы-то
имъ пожаловати.» Государь далѣе приказываетъ воеводамъ,
что, если дѣйствительно есть у монастыря порожнее мѣ-
сто, то дать «сколько пригоже, сажени съ три, или съ
четыре или съ пять, посмотря по мѣсту, чтобы улицы пе-
тѣснити.» Нужно замѣтить, что и въ настоящее время
въ боковой сѣверной стѣнѣ монастыря есть поворотъ къ
востоку подъ угломъ, очень рѣзко очерченнымъ. Очень мо-
жетъ быть, что до челобитной Св. Варсонофія монастырская
ограда имѣла неправильную фигуру, въ видѣ трапеции, у
которой основание выходило на Спасскую улицу. Выраже-
ніе «къ Никольскимъ воротамъ, къ Булаку», употреблен-
ное въ грамотѣ, доказываетъ нашу мысль, высказанную
прежде, что Никольскія вороты лежали ближе къ Булаку,
составляя вершину исходящаго угла крѣпостной стѣны
къ западу.

Самое положение монастыря въ Писцовой книгѣ опредѣляется такъ: «Внутри же города межъ городскихъ воротъ Спасскихъ и Сергиевскихъ, подъ городовую стѣну, противъ наугольныхъ стрѣльни, гдѣ былъ большой подкопъ, монастырь Спасской» (стр. 24). Это описание положенія монастыря показываетъ: во 1) дѣйствительность предположенія, что подкопъ, взорванный при взятіи Казани въ 1552 году, шелъ по направленію къ Кремлю отъ того пункта, гдѣ по слѣдѣ стояли въ XVI вѣкѣ Проломные ворота, о которыхъ мы говорили выше, и что эти ворота стояли не слишкомъ далеко отъ Кремлевской горы, хотя могло быть, что они отнесены гораздо далѣе къ востоку въ русской острожной стѣнѣ; 2) что Проломные ворота можно считать Аталаиковыми воротами Царственной книги; 3) что Сергиевскія ворота именно тѣ ворота, которые стоять въ оградѣ Спасскаго монастыря, къ западу отъ паперти Кипріано-Устиновской Церкви въ которыхъ теперь закладены; 4) что эти же ворота, по своей близости къ Преображенскому монастырю, могли носить и другое имя Преображенскихъ. По Писцовой книгѣ считается пять воротъ въ Кремлѣ, но если Сергиевскія ворота считать за особыя, тогда выйдетъ въ Кремлѣ не пять, а шесть воротъ.

Что касается до Сергиевскихъ воротъ, то они въ Татарской крѣпости назывались Тюменскими, что показывается слѣдующее мѣсто Писцовой книги: «да внутри же у Тюменскихъ воротъ, что нынѣ Сергиевы, Церковь Сергія Чудотворца» (стр. 23). Теперь пропомнимъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ говорится объ этихъ Тюменскихъ воротахъ въ нашихъ лѣтописяхъ. Раскроемъ Царственную книгу и въ ней мы найдемъ слѣдующее мѣсто. «И нача подкопъ творити отъ Булака рѣки у окольничего у Петра Морозова, промежъ Аталаиковыхъ воротъ и Тюменскихъ.»⁽¹⁾ Слѣдомъ это мѣсто съ Исторіей о Казанскомъ царствѣ. При описаніи штурма Казани говорится: «а сторожевой полкъ (шелъ на приступъ съ той стороны), идеже именуются Сергиевы врата и храмъ у нихъ стоитъ вънутри града.»⁽²⁾

(1) Царств. кн. стр. 284-я.

(2) Ист. о Каз. цар. стр. 212-я.

Действительно Сторожевой полкъ стоялъ съ этой стороны при осадѣ Казани. «А лѣвой рукѣ, сказано въ Царств. книгѣ при вступленіи русскихъ войскъ на назначенный имъ позиціи, (1) велѣль Царь стати *противъ города за Булакомъ*» или, какъ говорится въ другомъ мѣстѣ этой книги (2) «на устьѣ *Булака*.» Такимъ образомъ были расположены войска наши и во время штурма: но при этомъ, какъ видно изъ диспозиціи самого штурма, помѣщенной въ Царственной книгѣ, главная роль въ атакѣ на Тюменскія ворота представлена была лѣвой рукѣ, подъ начальствомъ Плещеева, а сторожевой полкъ назначень былъ главнымъ образомъ штурмовать Муралеевы ворота, разумѣется, вступивши въ тѣсную связь съ отрядомъ Плещеева,—потому что воеводамъ велѣно было отъ Государя «помогать другъ другу во всѣ стороны». (3) Сергіевы или Преображенскія ворота представляютъ несомнѣнныя слѣды древности: нижній этажъ ихъ складенъ изъ известняка, верхній изъ кирпича; по сторонамъ въ стѣнахъ—съверной и восточной круглые большие бои.

Опредѣливъ мѣстность Тюменскихъ воротъ, мы такимъ образомъ находимъ базисъ, на которомъ можетъ быть построено—или лучше сказать—опредѣленъ планъ нашего штурма на западную сторону Казанской крѣпости. Для этого мы имѣемъ свѣдѣнія о положеніи трехъ воротъ: Тюменскихъ, Проломныхъ и Ногайскихъ. Нельзя не принять во вниманіе, что подкопъ со стороны Тюменскихъ воротъ въ Писцовой книге названъ *большимъ*. Это справедливо. Кажется, здѣсь былъ веденъ при взятіи Казани главный подкопъ: сторона крѣпостной стѣны, примыкавшая къ Арскимъ воротамъ, была уже и безъ этого ослаблена взрывомъ тарасъ и занятіемъ Арской башни. Курбскій называетъ этотъ подкопъ также главнымъ. «Въ другой разъ (послѣ взорванія Муралеевскаго тайника), пишетъ онъ, подкопано и засажено 48 бочекъ пороху подъ стѣною городскою». (4) Этотъ подкопъ, должно быть, взор-

(1) Царств. кн. стр. 264-я.

(2) Тамъ-же стр. 263.

(3) Сравни 217, 298 и 299 страницы Царств. книги.

(4) Курб. стр. 35.

вало прежде, потому что, по рассказу Курбского, сначала, вслѣдствіе взрыва, татары ушли къ Царскому двору, очистивши городъ, а потомъ когда взорвало Арскій подкопъ, то и Царь съ войскомъ прибѣжалъ къ своему двору. ⁽¹⁾ Здѣсь-то татары выдержали послѣднюю битву съ русскими, а потомъ вышли въ широкое поле «испити съ русскими послѣднюю чашу», по живописному выражению Курбского. До сихъ порь людямъ, занимавшимся изслѣдованіемъ осады Казани, представлялось искаженнымъ мѣсто бѣ Казанской Исторіи (нужно замѣтить, изданной у васъ по плохимъ спискамъ), а именно: «а другой подкопъ на углу подъ стрѣльцею же, отъ Булака стрѣльбище, по лѣвой сторону, то были Ногайскія вороты, выѣ-же зарушены.» ⁽²⁾ Познакомившись съ Нисцовою книгою, мы видимъ, что здѣсь иѣть противорѣчія. Подкопъ подъ Казанскую стѣну действительно былъ сдѣланъ съ лѣвой стороны Ногайскихъ воротъ, если идти къ городу изъ-за Булака. Глагатовъ, писатель Исторіи о Казанскомъ царствѣ, будучи самъ плѣнникомъ въ Казани, (чѣмъ объясняются многія особенности его рассказа) пишетъ свой разсказъ для русскихъ, потому всю мѣстность Казани и ея окрестностей старается представить такъ, чтобы онѣ понятны были людямъ, которые єдутъ въ Казань изъ Московскаго Государства, а воинамъ, покорившимъ Казань подъ знаменемъ Иоанна IV. было легче вспомнить Казанскую мѣстность, какъ она этимъ послѣднимъ представлялась изъ лагеря подъ Казанью. Вопросъ о подлинности этого мѣста изъ Ист. о Каз. царствѣ представлялъ для меня особый интересъ. При осмотрѣ книго-хранилища Румянцевскаго Музея въ Москвѣ въ 1869 году, въ томъ отдѣленіи, гдѣ находится большое собрание рукописныхъ списковъ Исторіи о Казанскомъ царствѣ, мнѣ показанъ былъ списокъ этой книги, подъ № 774, съ надписью покойнаго Уидольского о принадлежности этого списка къ XVI вѣку, и, къ моему удивленію, въ этой рукописи мѣсто о подкопахъ я нашелъ въ томъ видѣ, какъ читается оно въ Академическомъ изданіи Казанской Исторіи. Слѣдовательно мѣсто это никогда

(1) Тамъ-же стр. 37-я.

(2) Ист. о Каз. цар. гл. LXII, стр. 211-я.

не было позреждено переписчиками. Несовая книга вполнѣ утверждает эту подлинность. Винака въ показаніе о подкопахъ въ Исторіи о Казанскомъ царствѣ, мы видимъ, что сочинитель даже указываетъ разстояніе отъ Булака до самого начала подкопа—одно стрѣльбище, т. е. пространство на одинъ выстрѣлъ⁽¹⁾. Курбскій въ описаніи Казанской осады точно такимъ-же способомъ измѣряетъ разстояніе: когда русскіе шли на гору между городомъ и Кабаномъ и находились «отъ вратъ городскихъ, аки два стрѣлянія луцныхъ», тогда татары вышли изъ города и на нихъ напали.⁽²⁾ Подъ именемъ стрѣльбища разумѣется разстояніе на 280 шаговъ, какъ мы говорили выше. Оставляя до времени опредѣленіе окружности Казанской татарской крѣпости 1552 г., мы окончимъ на этомъ наши замѣчанія и перейдемъ къ описанію Преображенского монастыря въ Казани XVI вѣка.

Въ деревянной монастырской оградѣ стояли въ 1566 году двѣ церкви: «церковь деревянная Преображенія Господа нашего Іисуса Христа, но на каменное(мъ) дѣло, т. е. съ каменнымъ нижнимъ этажемъ «на подклетѣхъ», что означаетъ подвалы. Этотъ подвалъ и до сихъ поръ видѣнъ подъ Соборною церковью Преображенія Господня. Въ подвалѣ помѣщались различные «службы для монастырского обиходу». Вторая церковь «Николы Чудотворца съ трапезою, была каменна.» Она считалась монастырскою трапезною церковью и устроена была въ томъ видѣ, какъ устроены подобныя церкви въ Киево-Печерской Лаврѣ, въ Троице-Сергіевой и другихъ древнихъ монастыряхъ. Это было небольшое зданіе каменное со сводами, со столами для братій, съ возвышеннымъ особымъ помостомъ для стола архимандрита и соборныхъ старцевъ, съ возвышенною кафедрою для чтеца, читавшаго во время трапезы житія святыхъ, наконецъ съ украшенной образами переднею стѣною, среди которой особая дверь вела въ небольшую трапезную церковь. При трапезѣ находились всѣ хозяйственныя монастырскія принадлежности: подъ церковью

(1) Смот. это слово въ Словарѣ Церковно-Слав. и Рус.-языка. Акад. изд. 1847 года.

(2) Курб. 22 стр.

«была просвори(а)я, да мукосъя, да подъ трапезою хлѣбъя, а въ другую сторону подъ церковью же палатка. а противъ трапезы келарская, древлна ча подклѣтъ съ сѣньми.» (стр. 24).

Благодаря Писцовой книгѣ, мы можемъ представить всю тогдашнюю жизнь монастыря. Дополнивши же эту жизнь предписаніями устава, принятаго для обители Св. Варсонофіемъ, мы можемъ получить полную картину того, какъ текла эта жизнь въ ея обыденной обстановкѣ. Монастырь представляется намъ, какъ-будто, на другой день послѣ отъѣзда въ Тверь его святаго Основателя.⁽¹⁾ Монастыремъ правитъ игуменъ Іеремія, урожденыцъ Казанскій, но духъ Святителя пребываетъ въ основанномъ имъ монастырѣ,—строгій уставъ, положенный въ основание общежитія, хранится въ церкви въ спискѣ его руки: пришелъ съ нимъ съ Пѣсноши братія еще осталась въ монастырѣ: настоятель—его ученикъ. До сихъ поръ мы находимъ въ Преображенскомъ монастырѣ тѣ самые сосуды, въ которыхъ Святитель совершацъ Литургію, еще сохранилось нѣсколько вещей, употреблявшихся въ его время при Богослуженіи, даже доселъ цѣль жезль, съ которыми онъ шествовалъ въ церковь, по чину настоятельскому. Съ кѣмъ пришелъ Святитель въ новопокоренную Казань, чтобы начать тамъ дѣло подвижничества и возврѣнія Христіанства? Это рѣшаетъ намъ любопытная приписка къ Уставу Св. Варсонофія. Она такъ любопытна, что мы рѣшаемся вынѣсать ее съ нѣкоторыми сокращеніями⁽²⁾ Послѣ славословія Троицѣ написано: «Повелѣніемъ и устроеніемъ Богомъ вѣнчанаго и Богомъ укрѣпляемаго самодержавнаго Цара Государя и великаго Князя Ивана Васильевича, всеа Руси самодержца, въ новопрѣствѣнѣи градѣ Казани, у всемилостиваго Спаса Богоявленаго Его Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и великаго чудотворца Николы Ратнаго, во общи монастырь написанъ Типикъ сей, сирѣчь Уставъ. А почета бысть писати па Пѣсноши, въ лѣто 7064 (1554),

(1) Приписка эта напечатана была въ Сборнику Пл. Любарскаго, стр. 31-я, но не совсѣмъ правильно.

(2) Уставъ стр. 530 на об. и 532-я.

а дописана бысть въ Казани въ лѣто 7064 (1556) при благовѣрномъ (титулъ Государя) и при священномъ митрополитѣ Макаріи и при архіепископѣ Гуріи Казанскимъ и Свілжскимъ, и положена бысть книга сія много—грѣшнымъ черньцемъ, архимандритомъ Варсunoфиемъ, что быль игуменомъ на Пѣсноши. А писанъ съ Пѣсношского устава съ большого, а тотъ писанъ съ Троецкаго Сергіева монастыря. А въ Казани бысть тогда Царь Государя Великаго Князя воевода и намѣстникъ Князь Петръ Ивановичъ Шуйской, и при томъ бысть почетъ монастырь строити кельи и ограда, и всякое строеніе монастырское архимандритомъ Варсunoфиемъ, яже о Христѣ изъ братіею. А братіи съ нимъ пришли съ Пѣсноши: келарь Тихонъ, крылошанинъ, Феодоритъ казначей, крылошанинъ, Левъ Долматовъ, крылошанинъ, а постриженники Пѣсношские, да Симонъ Нероновъ Андрониковской постриженникъ, клылошанинъ, да Андроникъ подкеларникъ, да Селивестръ служебникъ Яхонтова, а постриженники Пѣсношские-же.

Вотъ первые пришельцы въ Спасо-Преображенскій монастырь вмѣстѣ со свят. Варсонофиемъ, они были первыми представителями монашествующихъ въ Казани. Это были большею частию пѣвцы по старинамъ крюковымъ но-тамъ, совершившіе пѣніе тихо, по тому превосходному напѣву, такъ приличному для Православнаго Богослуженія, который еще недавно открыли намъ протоіерей Д. В. Разумовскій и Г. Потуловъ. Пѣніе это было трудно и требовало большаго навыка и умѣнья. Уставъ Николо-Пѣсношской обители, находящейся въ 15-ти верстахъ отъ г. Дмитрова, Московской губерніи, и основанной въ XIV столѣтіи однимъ изъ учениковъ Св. Сергія Радонежскаго, Преподобнымъ Меѳодіемъ, быль строгъ. Люди, вступившие въ этотъ монастырь, были люди не бездѣльные, а люди, обрекшіе себя на благочестивые подвиги для спасенія души, частые примѣры которыхъ мы видимъ въ XVI вѣкѣ. Самъ Царь хорошо зналъ Варсонофія, благочестиваго и строгаго игумена на Пѣсноши и самъ его лично⁽¹⁾ назначилъ сопутствовать свят. Гурію въ Казань въ числѣ

---

(1) Житіе Святителей Казан.—Гермогена, въ Сбори Любарскаго стр. 25.

двухъ архимандритовъ, изъ которыхъ второй былъ свят. Германъ. Варсонофій былъ тѣмъ необходимѣе для Казанскаго края, что, находясь въ Крымскомъ плену, научился по-татарски. Избраніе это утверждено соборомъ Русскаго духовенства 3-го Февраля, 1555 года. (1) Въ то время, когда писалась Писцовая книга, т. е. въ 1566 г. свят. Варсонофій уже былъ епископомъ въ Твери; лишь въ старости онъ снова вернулся въ основанную имъ обитель, где и скончался въ 1576 году. Такимъ образомъ сообщаемое Писцовою книгою свѣдѣніе пополняетъ строки, недостающія въ рукописномъ житіи Св. Варсонофія, въ которыхъ былъ означенъ годъ назначенія его на Тверскую епископію. (2) Въ 1566 году Св. Варсонофій уже не было въ Казани. Что касается до сподвижниковъ Святителя, то Патріархъ Гермогенъ, эта честная и великая личность въ Русской истории; дѣлаетъ о братіи монастыря слѣдующій глубоко-сочувственныій отзывъ: Монастырь, созданный Святителемъ, говоритъ Гермогенъ, «допущенъ Богомъ соблюдаемъ, младѣеть и распространяется, яко древо при водахъ благоиственно и доброплодно, приносить бо нетлѣніе плодъ—святые святители и преодобные монахи.» (3)

Интересно было бы видѣть возможно похожую икону святаго Основателя Преображенского монастыря. Недавно намъ, кажется, удалось найти самыя древнія изображенія обоихъ Святителей въ созданномъ ими монастырѣ. Въ боковомъ придѣлѣ Преображенского Собора во имя Святителя есть запрестольная икона Тихвинской Божіей Матери, на задней сторонѣ этой иконы помѣщены очень древнія изображенія Святителей. Икона обложена очень тонкимъ чеканимъ окладомъ, образъ по полю обить серебрянымъ золоченнымъ басменомъ, на Святителяхъ очень старинной работы вѣнцы, съ привѣщенными къ нимъ гризинками, украшенными бирюзой, лаликами и очень характерными привѣсками, вѣроятно, взятыми отъ серегъ, небольшими изумрудиками съ жемчужинами; надъ вѣнцами

(1) Щербат. стр. 415.

(2) Сборн. Пл. Любарскаго стр. 27-я.

(3) Тамъ-же стр. 25-я.

цаты, на которыхъ вырѣзаны вязью имена Святителей. Изображенія ихъ очень хороши и отличаются строгостью стариннаго стиля. Святители облачены въ древнія длинныя фелони съ бѣлыми узкими омофорами, въ невысокихъ метрахъ изъ золотой парчи съ бѣлою опушкой, совершенно похожихъ на ту митру, въ которой положенъ былъ святитель Германъ, и которая доселе хранится въ Свѣтлѣскомъ монастырѣ. Ростомъ Свят. Гурій выше Св. Варсонофія. Лице Свят. Гурія отличается кротостью, карія глаза смотрять открыто; у святителя окладистая, длинная, почти вся сѣдая борода, усы совпадаютъ съ верхнею частию бороды и закрываютъ уста. У Свят. Варсонофія лицо худое, изможденное; щеки глубоко впали, борода длинная, но рѣдкая и оканчивается остро около груди,—она нѣсколько меньше бороды Св. Гурія; брови у Св. Варсонофія длиннѣе, усы тоньше и позволяютъ видѣть крупныя губы, сѣдны въ бородѣ у него меньше, глаза смотрѣть строже. Вообще вся фигура Св. Варсонофія отличается строгостью и твердостью. Вотъ изображенія святителей. Послушаемъ монастырскаго устава о жизни въ обители Св. Варсонофія.

Монастырскія сутки начинались съ вечера. Вечерня совершалась предъ наступленіемъ сумерекъ или, какъ говорить уставъ Св. Варсонофія, «*прежде вечерня времене, предъ вечеромъ, мало наставшимъ*»; послѣ вечерни шли въ трапезу и по окончаніи ея совершался обрядъ возношенія панагіи, о которомъ мы скажемъ послѣ. Братія шли въ кельи отдохнуть немнога, пока колоколь не призывалъ ихъ къ повечерію: послѣ него было общее прощаніе братія, *отходя ко сну*, съ настоятелемъ и между собою. Полунощница читалась въ келляхъ, а на утрено въ *любое утро* всѣ собирались въ церковь; послѣ обѣдни шли на трапезу, а послѣ трапезы и послѣ возношенія панагіи братія исполняли различныя монастырскія общія работы или сходились въ общую рукодѣльную, гдѣ каждый занимался своею работою. Въ церкви Богослуженіе совершалось неспешно; монахи творили поклоны, стоя на мѣстахъ своихъ, вѣроятно, въ тѣхъ *формахъ* или особо отдѣленныхъ для каждого поясныхъ перегородкахъ, сдѣланныхъ около стѣнъ, съ опускными сидѣніями, какія мы видимъ на Аeonѣ и у насъ въ *Кіево-Печерской лаврѣ*. Поклоны

совершались всѣми за одинъ разъ по уставу, *вкуль* (вмѣстѣ) братілмъ *преклоняющимъ колѣна и встающимъ разно, съ опасеніемъ, смущенія ради* (чтобы не произвести соблазна и беспорядка)⁽¹⁾; на трапезѣ соблюдалось полное молчаніе, пища всѣмъ раздавалась поровну, наряду съ игуменомъ и состояла преимущественно изъ хлѣба и овощей.⁽²⁾ Строгій уставъ Спасо-Преображенского монастыря былъ повтореніемъ устава греческихъ монастырей и Лавры Преп. Сергія.

Наконецъ предъ нами и монастырскія церкви, въ которыхъ святители возносили свои чистыя молитвы. Трапезная церковь Николы Ратнаго сохранилась и доселѣ. Кладка церкви изъ бѣлаго камня убѣждаетъ въ ея древности. Трапеза отдѣляется отъ церкви аркой; въ церковь входили низкою дверью въ сѣверной стѣнѣ, но, вѣроятно, трапеза имѣла и другой входъ.—слѣды первого входа ясны и доселѣ. Самая церковь была не болѣе тридцати шаговъ въ длину и почти столько-же въ ширину. Олтарь былъ полуокруглый, небольшой; въ настоящее время иконостасъ отставленъ при передѣлкѣ церкви отъ алтаря довольно далеко. Въ алтарѣ сохранилась еще ниша, въ которой прежде стоялъ жертвенникъ. Въ нашихъ древнихъ церквяхъ каменной кладки жертвенники никогда не ставились отдельно, а въ подобныхъ нишахъ стѣнъ, что изображало собою Виолеемскій вертепъ. Мѣстный образъ Николы Можайскаго, по описанію Писцовой книги (стр. 24), длиною семи пядей, а шириною пяти пядей съ полупядью, обложенный серебромъ и позолоченный, имѣлъ около главы вѣнецъ, серебранный сканной работы. Онъ былъ строенъ Государева, а Архимандритъ «прибавилъ къ нему пять реиевъ, а въ реиахъ пять каменьевъ, да 20 жемчуговъ». При образѣ висѣли «восемь золотыхъ, да двѣ гравны (украшенія) сканцы, непозолочены, да двѣ деньги позолочены, да двѣ новгородки позолочены, а третья бѣла, да 17-ть гравенокъ витыхъ, да крестъ серебрянъ.» Образъ этотъ сохранился и донынѣ, мѣрою онъ совершенно сходится съ описаніемъ Писц. книги: на немъ превосходная

(1) Стр. 19-я Устава.

(2) Тамъ-же стр. 79.

одежда сканной или физогранной работы, въ одѣждѣ есть нѣсколько камней. Все поле образа украшено разой се-ребряной, позолоченной, современной работы, съ такимъ же вѣнцомъ. Святитель представленъ съ закрытымъ Еван-геліемъ въ лѣвой рукѣ и благославляющей правой рукою: образъ поясной. Образъ этотъ несомнѣнно древняго про-исхожденія, но самая фигура Святителя Николая не имѣ-еть сходства съ тѣмъ изображеніемъ, которое въ насто-ящее время считается изображеніемъ Николы Можайска-го, и которое представляетъ его съ мечемъ въ одной рукѣ и съ фигурою церкви въ другой. Послѣднее изображеніе Николы Можайскаго не явилось ли въ послѣдующее время? Царскія врата въ церкви были писаны на *празднѣни*.⁽¹⁾ По правую сторону царскіхъ вратъ стоялъ образъ Спа-сителя, по лѣвую—Успенія Богоматери, это были малыя образа, въ одну иядь. Въ церкви было много образовъ Николая Чудотворца: въ различныхъ мѣстахъ около стѣнъ церкви стояли образы: Препод. Сергія Радонежскаго, Вар-ламія Хутынскаго, Макарія Желтоводскаго, Зосимы и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ и благов. Князя Фео-дора и чадъ его Давида и Константина, чудотворцевъ Ярославскихъ. Замѣчательно, что церковь украшена была преимущественно образами, представляющими русскихъ святыхъ, какъ-будто бы, Основатель монастыря хотѣлъ подѣйствовать на своихъ иноковъ примѣромъ русскихъ святыхъ, которые также прославились монашескими под-вигами, какъ и монашествующіе Греческой церкви. Особенность эта чрезвычайно характерна. Далѣе въ церкви Никольской было до 7-ми образовъ Николая Чудотворца различной мѣры, что даетъ намъ поводъ заключить, что большая часть иконъ въ Преображенскомъ монастырѣ были иконы, пожертвованныя мірянами и монашествую-щими. Въ монастырь поступали иногда люди зажиточные,

---

(1) Старинная краска. Въ лицевомъ подлинникѣ, по-мѣщенномъ въ Христ. Древн. за 1871 г. есть замѣтка: «краска Св. Акакія *празднѣнь дымчаты.*» Г. Сахаровъ въ «Изслѣд. о Рус. Иконоисаніи» 1849 г. Прил., стр. 29. объясняетъ ее такъ: «Веронская земля, цвѣть ея постоянъ на воздухѣ, она идетъ въ краску *празднѣнь.*»

которые и украшали церковь иконами, сосудами, утварью.⁽¹⁾ Вообще въ описяхъ всѣхъ Казанскихъ церквей, по Писцовой книгѣ, нельзя не замѣтить, что въ церквяхъ было множество иконъ различныхъ мѣръ съ одними и тѣмиже изображеніями, по всей вѣроятности, припесенныхъ или пожертвованныхъ въ церковь прихожанами. Это напоминаетъ намъ одну замѣчательную особенность въ древней обрядности, сохранившуюся до настоящаго времени въ глухихъ мѣстностяхъ Россіи (чemu мы сами были не разъ свидѣтелями), именно—обычай приносить въ приходскую церковь свои собственные иконы, ставить ихъ на особыхъ полочкахъ около стѣнъ и, приходя къ Богослуженію, молиться исключительно этимъ иконамъ. Всякій прихожанинъ, прійдя въ церковь къ Богослуженію, вставалъ предъ свою иконою, и ей одной молился, забывая слушать церковное чтеніе и пѣніе, даже не обращая вниманія на совершившіяся въ церкви священнодѣйствія (напр. малый и великий входы). Непрестанно и усердно клалъ онъ земные поклоны предъ своею иконою, становясь иногда, если икона стояла на сѣверной или южной стѣнѣ церкви, бокомъ или задомъ къ олтарю, и даже читалъ при этомъ и свою молитву. Объ этихъ-то беспорядкахъ въ церкви и говорить Стоглавъ и это-то неразумное, хотя и благочестивое въ своемъ основаніи искреннее, почитаніе иконъ порицаетъ въ своихъ постановленіяхъ (Стогл. гл. 5-я, изд. Кожанч. стр. 51). Изображеніе Русскаго Богослуженія

---

(1) Въ Писцовой книгѣ въ описи церковной Преображенского монастыря замѣтка (стр. 27.): «Да образъ Николы Чудотворца поставилъ Сергій пономарь.» Въ описи Илантова монастыря: «а поставилъ Деисусъ, образъ Преч. Богородицы, двери царскіе и сиверскіе старецъ Германъ.» Въ ризницѣ Спасскаго монастыря есть сосуды 1683-го года, съ надписью: «сосуды построилъ старецъ Іоасафъ Артемьевъ въ Казань, въ Спасской Преображенской монастыре. вѣс. 3 ф. безъ 7 зол.» Другіе сосуды пожертвованы 1643 г. Димитриемъ Баимовымъ Воейковымъ по отцѣ его схимникѣ Елеазарѣ. Одинъ крестъ 1675 года, давъ игуменомъ Седміезернымъ пустыни Діонисіемъ Кучиномъ по его дочери.

у Олеарія представляетъ намъ картину въ родѣ той, которая рисуется царемъ Иоанномъ Васильевичемъ въ соборныхъ вопросахъ царскихъ (стр. 51-я) Въ иконостасѣ иконы одного и того же святаго (напр. св. Николая) ставились рядомъ. Двери съверные въ церкви Николы Ратнаго были украшены иконой «Пречистыя на престолѣ со Архангелы, да въ кругу Авраамъ, Исаакъ и Яковъ; да внизу писаны притчи изъ пролога.» Утварь не отличалась богатствомъ. Сосуды были оловянные, съ такимъ же приборомъ: звѣзды были желѣзныя, такъ какъ оловянныя звѣзды могли легко сгибаться и ломаться. При сосудахъ жертвовали по двѣ ложечки оловянныхъ, о назначеніи которыхъ замѣчено: «одна кутейная, а другая съ потыремъ живеть», т. е. употребляется для причащенія изъ потира. Надъ первымъ рядомъ мѣстныхъ иконъ, на тиблѣ, стоялъ Деисусъ, состоявшій изъ 12-ти иконъ. Деисусомъ называются собственно три иконы: Спасителя, Богоматери и Иоанна Предтечи ⁽¹⁾, но иногда къ нимъ приписывали фигуры двухъ Архангеловъ—Михаила и Гавриила. Апостоловъ Петра и Павла и Святителей, но, вѣроятно, къ нѣкоторымъ Деисусамъ приписывались съ обѣихъ сторонъ еще образа другихъ святыхъ по произволу. ⁽²⁾ Въ другихъ ярусахъ иконостаса стояли 12-ть иконъ двунадесятыхъ праздниковъ и иконы пророковъ. Самъ Царь пожертвовалъ другой Деисусъ изъ 9-ти иконъ, который, можетъ быть, стоялъ надъ входною дверью. Подсвѣчники въ церкви были большою частию деревянныя, паникарила мѣдныя съ шелковыми кистями, какъ въ греческихъ церквяхъ.

Въ монастырской Преображенской церкви (деревянной) стоялъ мѣстный образъ Преображенія Господня, построенный архимандритомъ на свой счетъ и изъ монастырской казны: онъ былъ обложенъ серебромъ, вѣнцы были сканые и украшены подвесками или гравнами. Мы нашли и въ настоящее время такой образъ въ церкви Николы Ратнаго, обложенный серебряннымъ позолоченнымъ окладомъ со вкладками на немъ, въ видѣ небольшихъ цатъ.

⁽¹⁾ См. Ист. Акты. Т. I. 280.

⁽²⁾ См. о Деисусѣ замѣтку въ Христ. Древи. 1875 г.
стр. 62.

съ надписями старинною вязью. Образъ представляеть три момента, именно: самое Преображеніе, восхожденіе на Гаворъ Иисуса Христа и Его схожденіе съ горы, вмѣстѣ съ тремя апостолами. Въ этой церкви на тяблѣ стояли: Деисусъ възь 14-ти иконъ, да 15 иконъ праздничныхъ и 13-ти пророковъ. Тябла всѣхъ ярусовъ были на краскахъ. ⁽¹⁾ Въ нижнемъ ряду иконостаса стояли образа: Рождества Христова, Успенія Пречистыя, мѣстнаго иконы Пресвятой Богородицы, трехъ святителей. Въ кіотѣ же особо стоялъ образъ «О Тебѣ радуется»; это—одна изъ тѣхъ символическихъ иконъ, который такъ быстро начали распространяться въ Россіи въ XVI вѣкѣ съ легкой руки Исковскихъ и Новгородскихъ иконописцевъ. «Служеніе живописи въ древнемъ христіанскомъ мірѣ, замѣчаетъ проф. Буслаевъ, между прочимъ состояло въ томъ, чтобы людямъ, не знающимъ грамотѣ, паглядно передавать отвлеченные понятія и идеи Христіанства.» ⁽²⁾ Нужно предполагать что символическая иконы перешли къ намъ съ запада, но подлинники иконъ были переработаны въ пародномъ вкусѣ. ⁽³⁾ Послѣ пожара въ Москвѣ въ 1547 году эти символическая иконы подали поводъ къ большому соблазну,—образовалась въ тогдашнемъ обществѣ, а можетъ быть, и въ духовенствѣ, партия ригористовъ, которые сожалѣли, что древнія иконы Спасителя, Преч. Богородицы, Предтечева и Ильи Пророка были замѣнены новыми: Вѣрую, Во гробъ плотски, Достойно есть и другими. Представителемъ этой партии явился Висковатый, противникъ его Сильвестръ. Мы знаемъ, что этотъ вопросъ решенъ былъ на Соборѣ 1554 года въ Москвѣ и окончился повинною Висковатаго. Образецъ иконы «О Тебѣ радуется» мы находимъ въ Ка-

⁽¹⁾ Да имать власть свѣщи возжигати на тяблѣ предъ Образы Господа нашего Иисуса Христа, Пречистыя его Богоматери и Св. Пророка Иоанна и проч.» Смот. Акт. Юрид. 410.

⁽²⁾ См. Историч. Очерки Рус. народной Словесности и Искусства. 1861 г. т. II. стр. 281.

⁽³⁾ Самъ Висковатый подозрѣвалъ здѣсь Латинское мудрованіе, потому что самъ слышалъ о томъ у Матиса у Лиха, См. Акт. Арх. Эксп. т. I, стр. 242-я.

зани въ Зилантовомъ монастырѣ, въ теплой церкви, на лѣвомъ клиросѣ.

Преображенская церковь была наполнена небольшими образами. На сѣверныхъ олтарныхъ дверяхъ было изображеніе Благоразумнаго Разбойника, какъ символъ того, что смиреніемъ и покаяніемъ можно войти въ небо, потому что алтарь означалъ въ таинственномъ значеніи самое небо. Это изображеніе повторено, какъ видно изъ Писцовъ книги, въ иконостасѣ Илліинского монастыря. Ризница монастырская не отличалась особымъ богатствомъ. Лучшая, но немногія ризы сдѣланы были изъ камки, т. е. китайской парчи съ разводами, образецъ которой мы можемъ видѣть въ фелони свят. Гурія, сохранившейся въ Каѳедральномъ Соборѣ, изъ рытаго бархата различныхъ шелковъ съ золотомъ, изъ атласа, (матеріи Персидской) и наконецъ изъ *дороги*—шелковой полосатой азіатской матеріи: что ихъ было немного, большая часть облаченій дѣлались изъ простыхъ матерій: изъ *блази*—хлопчато-бумажной матеріи, изъ *зуфи*—шерстяной матеріи въ родѣ комлота, *мухояра*—бумажной бухарской матеріи съ шелкомъ или шерстью, большую частію полосатою, изъ *холста*, изъ *выбойки*, изъ *гребенина* и изъ *кутни* бухарской полосатой полушелковой ткани. Священніческія ризы дѣлались безъ выема спереди, передняя часть фелони опускалась до земли, а для удобства при священнодѣйствіи подстегивалась на пуговицы. Въ ризницахъ Спасо-Преображенского монастыря и Благовѣщенскаго Собора сохранилось иѣсколько такихъ ризъ и между ними одна риза богатой восточной парчи, съ цветами различныхъ колоровъ, прахотливо и пестро перебивающихъ одинъ другой. Особенно па этой фелони богато оплечье, оно опускается довольно низко и вышито сплошь крупнымъ жемчугомъ, съ драгоценными камнями и бирюзой, по превосходному, вѣсколько восточному узору. Фелонь эта не позже начала XVII вѣка и походитъ на ту фелонь, рисунокъ которой приложенъ къ III тому изданія Вельяминова-Зернова «Касимовскіе Цари и Царевичи.» Эти длинныя фелони не носило-ли наше духовенство, иногда собирая на локтяхъ, въ родѣ того, какъ показанъ подъемъ фелоней сбоку на древнихъ рисункахъ у Г. Прохорова: ⁽¹⁾ На рисункахъ Олеарія есть

(1) Христіанскія Древности, 1865 г. кв. 8 и 9-я.

изображения московскихъ священниковъ въ ризахъ, поднятыхъ именно у локтей, (¹) если это только не католическое искажение гравёра. Иногда въ краяхъ длиннаго передниго спуска фелоней святители, на древнихъ миниатюрахъ, держать евангелия и св. чаши. (²) Всѣ ризы украшались *ожерельемъ* или *опушкой*, т. е. оплечьемъ (³); послѣднее всегда дѣлалось изъ лучшей матеріи яркихъ цвѣтовъ и украшалось дробницами и жемчугомъ. Дробницами назывались серебряные позолоченные пластинки круглой и трехъ-угольной формы, нашивавшіяся на облачепія по узору; ихъ можно видѣть на миниатюрахъ XVI вѣка. (⁴) Пояса къ ризамъ дѣлались изъ шелку, изъ нитокъ и изъ гаруса съ *ворворками* вокругъ шелковыхъ кистей, т. е. съ жемчужными нитками или же золотой канителью вокругъ завязокъ кистей. Такая кисть осталась у одной епитрахи изъ темнаго бархата, съ прекраснымъ шитьемъ, въ Спасской ризнице. Епитрахи также украшались дробницами и пуговицами, число которыхъ доходило до 30-ти. По древнимъ миниатюрамъ, эти пуговицы нашивались по серединѣ епитрахи, а дробницы по бокамъ. (⁵) Подризниковъ пѣть въ описяхъ обѣихъ церквей, а равно и Благовѣщенского Собора; они, вѣроятно, записаны подъ именемъ стихарей. На древнихъ рисункахъ, собранныхъ Г. Прохоровымъ, какъ материалъ для изученія древнихъ облаченій, рукава подризниковъ у святителей довольно широки и не стянуты поручами. Въ описи очень много челенъ, богато шитыхъ, которые предназначались для подвѣшиванія къ иконамъ мѣстнымъ снизу и служили для украшенія иконостаса. Плащаницы назывались *воздухами*; и кроме нихъ мы находимъ въ это время въ церквяхъ — убрусцы, судари, ширинки и фаты; это были

(¹) См. вышеупомянутое Амстерд. изданіе Олеарія рис. на стр. 32-й.

(²) См. рукоп. Псалтирь конюшен. Боярна Дим. Ив. Годунова въ Библіот. Казан. Духов. Академіи № 748, стр. 357-я.

(³) Писц. кн. стр. 11, 28-я.

(⁴) Псалт. Годунова, стр. 150.

(⁵) Тамъ-же стр. 150-я.

пожертвованія женскаго усердія. Судары были, вѣроятно, наши современные воздухи. «Приходили-бѣ, говорится въ посланіи Митрополита Кипріана (XIV в.) къ Псковскому духовенству⁽¹⁾, къ царскимъ вратамъ, да причащалися бѣ, а къ сударю бѣ не прикасалися.» Одинъ изъ такихъ сударей сохранился въ ризницѣ Спасскаго монастыря, онъ принадлежитъ къ XVI вѣку, потому что на углахъ его сохранилась надпись: «лѣта 7073-го даль си сударь въ домъ Боголѣпнаго Преображеніи Князь Григорій Андреевичъ Булгаковъ по своихъ родителѣхъ.»⁽²⁾ Сударь сохранился превосходно: шелки, которыми онъ вышить, поражаютъ свѣжестью колера, серебро и золото вышивки также вполнѣ сохранились. Преображеніе Спасителя представлено въ пяти моментахъ: посрединѣ изображено самое Преображеніе, сверху ангель сводить на щаворъ пророка Иллю съ неба, куда онъ взятъ живымъ, какъ свидѣтельствуетъ Св. Писаніе; справа другой ангель воздвигаетъ изъ гроба Моисея. Слѣва внизу—Спаситель и Апостолы идутъ на щаворъ, справа тѣ же лица сходятъ съ горы. Есть слѣды, что сударь въ послѣдствіи получилъ некоторое измѣненіе: по угламъ нашиты фигуры евангельскихъ символовъ, менѣе искусной работы; къ нему прибавлены два другихъ воздуха этой же работы, между тѣмъ какъ самый сударь отличается высокой работой придворныхъ мастеріцъ. Композиція рисунка Преображенія вполнѣ одинакова съ иконой Преображенія, находящейся въ Церкви Николы Ратнаго и съ миніатюрой на 331 стр. Псалтири Годунова. Сударь записанъ на 29 стр. Писц. книги. Въ ризницѣ Спасскаго монастыря сохранилась другая рѣдкость, по нашему мнѣнію, принадлежащая къ XVI—вѣку, это—плащаница или большой воздухъ, записанный на 29 стр. Писцовой книги такъ: «Воздухъ большой шитой Положеніе во гробъ, вѣнцы шиты золотомъ, сажены около жемчугомъ, числомъ 110 зеренъ, слова шиты золотомъ около его.»—Въ Плащаницѣ замѣтимъ:

(1) Истор. Акты I, № 8.

(2) Тотъ самый Булгаковъ, который былъ въ 1566 году младшимъ воеводой въ Казани. (Писцовая книга стр. 34-я)

чательны слѣдующія особенности композиції: Богородица, преклонивъ лѣзую щеку къ главѣ Спасителя, сидѣть на сѣдалищѣ съ подножіемъ; на тѣлѣ Христа Спасителя выпиты шелками темнотѣлеспаго цвѣта правильныя фигуры—круги, элипсы и полукружія, имѣющія какое-либо символическое значеніе; фигуры предстоящихъ изображеніи энергически, смѣло и напоминаютъ старинную живопись, напримѣръ, фрески XII вѣка Георгіевской Церкви въ Рюриковской крѣпости, въ Старой Ладогѣ. (1) Надиць вокругъ плащеницы, представляющая пѣснь Великой субботы: «*Да золчитъ всякая плоть,*» положительно принадлежитъ къ половинѣ XVI в. (2) Плащеница сходится съ описаніемъ Писцовой книги, даже число жемчужинъ на золотыхъ вѣнцахъ Спасителя и Божіей Матери одинаково. Совершенно одинаковую по работе и по тканямъ, употребленнымъ для цѣлой плащаницы и для вставокъ въ вышивкахъ, представляетъ собою плащеница Соборной Благовѣщенской Церкви, сохрапившаяся такъ-же хорошо, какъ и первая. Въ Писцов. книгѣ (стр. 11 и 12) она описывается такъ: «Воздухъ шить изъ камкѣ по синей золотомъ, серебромъ и шелки, а покупано золото и серебро и шелка изъ Государевы казны, а въ мѣрѣ воздухъ сажень съ локтемъ, подложенъ тафтою червчатою бурскю, опушка атласъ цвѣтпой, а шила воздухъ книжъ Юрьева Темкина книгиня и опушка и прикладъ еежъ, а камку далъ Михайло Лыковъ, а подкладку далъ Кузьма Федоровъ.» Мѣра этой плащаницы какъ разъ сходится съ описаніемъ ея, въ Писцовой книгѣ. Въ XVI вѣкѣ плащаницы назывались *большими воздухами*, что видно изъ справокъ, сдѣланныхъ нами съ Уставами, хранящимися въ Соловецкой Библіотекѣ. (3) Припадлежность этой

(1) Христ. Древи. 1871 г. кн. 4.

(2) Мы сравнивали редакцію этой пѣсни, начертанной на плащеницѣ, съ редакцію ея въ нотномъ ирмологіѣ XVI вѣка, Соловец. библіотеки рукопись № 276-й, и нашли ее тождественною.

(3) Въ Церковныхъ уставахъ начала XVI вѣка. (Соловец. Библіот. 1116 и 1118) выносъ плащаницы на утреніи Великой субботы описывается такъ: Славословіе ве-

плащаницы въ XVI вѣку, кромѣ этого, доказывается слѣдующимъ соображеніемъ. Вокругъ плащаницы вышиты вязью пѣсни: «Тебе одѣющаагося» и «Да молчить.» Мы сличали текстъ обѣихъ пѣсней и оказалось, что «Да молчитъ» совершенно одной и той-же редакціи, сть редакціею этой пѣсни на Спасской плащаницѣ, а редакція «Тебе одѣющаагося» занимаетъ среднее мѣсто между редакціями этой пѣсни конца XV и конца XVI вѣковъ.⁽¹⁾ Вязь надписей на обѣихъ плащаницахъ имѣть поразительное сходство съ вязью другихъ предметовъ временъ Грознаго въ Спасскомъ монастырѣ, а также съ вязью на рукописномъ евангеліи 1532 г., хранящемся въ Псковскомъ Соборѣ и на завѣсѣ Хиландарскаго монастыря, по-жертвованной Грознымъ въ 1556 году этой обители.

Въ Спасской монастырской описи показаны двѣ панагіи и двѣ палицы, изъ которыхъ одна съ вышитымъ образомъ Спасителя;⁽²⁾ но въ этой описи полное отсутствие опи-

ликове. И бываетъ выходъ съ Евангеліемъ поющими памъ надгробное трисвятое, ему же скончану бывшию возглашаєтъ іерей или діаконъ «Премудрость иrosti.» Но въ уставахъ принадлежащихъ (№№ 1119 и 1121) второй половины XVI в. эта церемонія описывается такъ: Игуменъ вшедъ въ олтарь облечется во всю священную одежду, исходитъ съверными дверьми, весутъ воздухъ большой и т. д.) Слѣдовательно обрядъ юшения плащаницы введенъ у насъ въ XVI вѣкѣ и тогда плащаница называлась, какъ и въ текстѣ Писцовой книги, *большимъ воздухомъ*.

(1) Мы взяли для сличенія двѣ рукописи: «Цвѣтной Тріоди» въ Соловецкой библіотекѣ—№ 1972, относящейся въ 1465 году и № 1076, относящейся къ 1599 году. Въ первой редакціи «Тебе одѣющаагося» носить слѣды юсовъ и мягкихъ окончаний *видѣвъ, благоумилень*; по редакціи 1599 уже совершенно русская. Въ редакціи пѣсни, начертаній на плащаницѣ, нѣть юсовъ, но есть еще слѣды мягкаго произношенія конечныхъ полугласныхъ, юсы на концѣ иногда замѣняются мягкой полугласной.

(2) Палица у архіереевъ также имѣла свою исторію. На Афонскихъ фрескахъ у Кирилла Александра и Диони-

санія матръ и наперстныхъ архимандричихъ крестовъ. Митры и кресты архимандритамъ начали давать у насъ лишь въ концѣ XVII вѣка, обычай настоятелей носить эти предметы высшаго духовнаго достоинства получилъ начало въ Малороссіи, гдѣ эта новизна была введена изъ подражанія католическимъ аббатамъ (*abbates mitrati s. infulati*), нѣкоторымъ же архимандритамъ Малой Россіи, давали митры чуть ли не Польскіе короли⁽¹⁾. По присоединеніи Малороссіи наши Государи начали давать митры лишь настоятелямъ первоклассныхъ монастырей, нѣкоторымъ архимандритамъ за заслуги, а иногда по просьбамъ монастырскихъ вкладчиковъ, которые усердно были челомъ, чтобы ихъ монастырю дали архимандрита *съ шапкой*.⁽²⁾ Въ описяхъ Писцовой книги (стр. 25-я) упоминаются ладонницы, какъ видно по описанію, довольно изящной работы. Одна такая ладонница сохранилась въ Соборной ризницѣ (позднѣйшей работы) серебряная, позолоченная. Въ житіи Бориса и Глѣба XIV вѣка изображены діаконы, окаждающіе мощи святыхъ, съ обыкновеннымъ кадиломъ въ правой рукѣ и съ ладоницею въ лѣвой, ладонница по рисунку изящной работы. На Аѳонскихъ иконахъ архидіаконы Евпль и Стефанъ изображаются точно также. На миніатурѣ рукописи IX вѣка Григорій Назіанзенъ представленъ съ обыкновеннымъ кадиломъ въ правой и съ ладоницею въ лѣвой рукѣ. На миніатурѣ (на стр. 123) Ісаилии Годунова кадящій діаконъ также держитъ въ рукѣ ладонницу. Не было ли въ XVI вѣкѣ у насъ обычая діаконамъ носить ладонницу при кажденіи, чтобы изъ

сія Ареопагита палицы представляютъ двѣ фигуры—круговидную и въ родѣ неправильнаго многоугольника, но на изображеніи Митрофана, 1-го Патріарха Константинопольскаго, палица имѣеть совершенно современную форму,—въ серединѣ образъ благословляющаго Спасителя. Христ. Древн. 1865 года, книга 9-я. Въ описи Благовѣщенскаго собора есть описание палицы съ образомъ *Пречистыя въ унынїи*.

(1) Опытъ пов. о древн. Русскихъ. ч. II, стр. 439-я.

(2) См. Древн. Росс. Вибліоѳ. ч. XIX. стр. 400. Мы цитуемъ вездѣ Вивліоѳику, 2-го изданія.

нея, по мѣрѣ надобности, класть ладонь въ кадило? Это предположеніе кажется естественнымъ, если примемъ во вниманіе тогдашнее долговременное кажденіе, напримѣръ при началѣ вечерни праздничной кадили всю церковь во все время, пока пѣли предназначательный псаломъ, повторяя стихи на каждомъ клиросѣ.

Въ трапезной описи Спасскаго монастыря показаны: «въ трапезѣ Пречистаѧ, что воздвигаютъ хлѣбецъ, на золотѣ, да *кандея булатная.*» (стр. 27). Для поясненія этого мѣста и для дополненія картины монашеской жизни, мы должны упомянуть о древне-монастырскомъ обрядѣ «Возложенія Павагіи». По окончаніи Литургіи, монашествующіе, подъ начальствомъ Игумена, шли въ трапезу, причемъ впереди несли на особомъ изукрашенномъ блюдѣ или въ ковчегѣ Богородичную просфору или панагію. Сосудъ съ панагіею ставился подъ Деисусъ, находившійся всегда на передней стѣнѣ трапезы, на особой полочкѣ, гдѣ во время пасхи ставили пасху и артось. По окончаніи трапезы, какъ показано въ уставѣ Св. Варсонофія, (1) келарь подходилъ къ Панагіи «и снемъ клобукъ и камилавку, поклонитъся до пояса и глаголетъ гласомъ равнымъ: *Благословите отцы и братія и простите меня грѣшнаго и пріемъ хлѣбъ,* лежащій на панагіи, тремя персты обѣихъ рукъ воздвигъ горѣ (къ верху) хлѣбъ надъ панагіаромъ и раздробляетъ хлѣбъ комуждо хотящихъ Православныхъ Христіанъ.» Кандея назначалась для приношенія на трапезу меда, сыты, кваса; по окончаніи ужина или обѣда игуменъ ударялъ ложечкою по столу и тогда братіи разносили питье. (2) Отъ времени Грознаго, кромѣ означеныхъ предметовъ (3), осталось блюдо въ Преображенскомъ монастырѣ гладкое серебряное: по краямъ его въ клемахъ надпись: «*Іоанъ, Божіею милостію Государь Царь и великий Князь вселїи Руси.*» Въ монастырѣ есть небольшой серебряный потиръ безъ надписи и дискоѣ, на круглой очень низкой ножкѣ, и серебряная небольшая плос-

(1) См. вышепривед. на стр. Уставъ, листъ 22 на обор.

(2) Тамъ-же листъ 98-й.

(3) Мы говорили выше о ковшѣ временъ Грознаго, о древнемъ крестѣ, о сударѣ въ плащаницѣ.

кая чаша, съ надписью: *Господь просвѣщеніе мое*, и далѣе вѣсъ 1 стихъ XXVII псалма, по редакціи, совершенно сходной съ текстомъ этого псалма — псалтири Годунова, кружка серебряная, позолоченная, съ выпуклыми чеканными украшениями, очевидно, не русской работы, на которой внизу нацарапана надпись: «аще хто продастъ или заложить или въ честь отдасть, не буди на томъ человѣкѣ мое благословеніе.» Не тѣ ли это сосуды, которые были пожертвованы Спасскому монастырю Царемъ Иоанномъ (Писцовая книга, стр. 26-я), а чарка не та ли «чарка мисюрская серебряная, а въ ней позолочено» которая записана въ описи Писцовой книги (стр. 25)? Что касается до серебряной чаши, то она, вѣроятно, употреблялась вместо лампады, для горѣнія масла почью предъ образомъ. Надпись *Господь просвѣщеніе мое...* и совершенное сходство ея съ такою же чашею, находящуюся въ ризницахъ Соборной, употребленіе которой прямо указано служить лампадой, подтверждаютъ наше предположеніе. (1)

Память Святит. Варсонофія сохранилась въ Спасскомъ монастырѣ въ слѣдующихъ предметахъ: 1) Въ жезлѣ Свя-

(1) Въ ризницахъ Спасо-Преображенского монастыря есть не сколько, относящихся къ XVII вѣку: а) потиръ 1621 года дачи Тимоѳея Татаринова; б) Сосуды 1645 г., пожертвованные по Прокопію Иванову Враскомъ; в) Воздухи, шитые золотомъ и серебромъ, 1673 года Ивана Веревкина; г) крестъ серебряный, позолоченный, 1691 года при Архимандритѣ Симеонѣ, пожертвованный таможеннымъ подьячимъ Иваномъ Амвросимовымъ; д) крестъ сандального дерева, пожертвованный подьячимъ Игнатьемъ Хрисанѳовымъ; е) огромная водосвятная серебряная чаша, сдѣланная при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ на монастырскую казну, въ 1668 году; ж) большое Евангеліе старинной чеканной работы, съ жемчугомъ и драгоценными камнями, сдѣланное при Архимандритѣ Сильвестре въ царствование Михаила Феодоровича, монастырскою вкладною казною: жемчугъ данъ Столѣникомъ и Воеводою княземъ Михаиломъ Петровичемъ Пронскимъ въ числѣ 298 зеренъ; да двадцать пять золотыхъ; да Посадскій Аѳанасій Жегулевъ далъ 50 рублей, да шесть лалловъ;

тителя, деревянномъ окованномъ внизу узорчатымъ жезломъ. 2) Въ его Уставѣ, какъ видно изъ надписи, принадлежащемъ его рукѣ, по донесенію Никифоромъ Ярославцемъ, что и видно по различію почерка, который сильно измѣняется въ 2-й половинѣ Устава. Въ началѣ Устава употребляются юсы, но средина и конецъ книги русской редакціи. 3) Въ Евангеліи, принесенномъ Свят-Варсонофіемъ съ собою изъ Твери, хранящемся въ Соборной ризницѣ. Оно писано чрезвычайно четкимъ полууставомъ, отличается прекрасными заставками и такими же изображеніями Евангелистовъ. На послѣдней страницѣ приписка: *Въ лѣто 6986 (1478) съвершена бысть книга сія Четвероблагодатніѧ, звомое Евангеліе, въ Богоспасаемомъ градѣ Твери, при Благовѣрномъ великомъ князѣ Михаилѣ Борисовичѣ, замышленіемъ и стараніемъ бого любиваго Вассіана, владыки Тверскаго, мѣсяца Маія въ 21 день, на память святаго равноапостоломъ Константина и матери его Елены. Начало и конецъ о Христѣ. Аминь.*» 4) Наковецъ вѣчнымъ памятникомъ и благословеніемъ Казани служать мощи Свят. Варсонофія, сначала почивавшія въ придельѣ Преображенскаго Собора, а въ настоящее время въ великой церкви. Митрополитъ Казанскій Гермогенъ въ Житіи святаго⁽¹⁾ разсказываетъ, что при открытіи мощей святителя, въ одной гробницѣ съ нимъ найдены были также нетлѣпными тѣла учениковъ его Ионы и Нектарія. Тѣла обоихъ святителей Гурія и Варсонофія обрѣтены были въ 7104 (1596) году. Они были погребены въ томъ небольшомъ зданіи съ узкими окнами, которое стоитъ, полууглубленное въ землю, близъ алтаря Преображенскаго Собора. Это зданіе было устроено надъ гробомъ Св. Гурія его любимымъ бояриномъ Ioannomъ Застолбскимъ. Писцовая книга сохранила указаніе, где были домъ этого боярина. «За Булакомъ же въ острогѣ, перѣхавъ Булацкій мостъ, противъ Пушкарскіе улицы, слобода архіепископля, а въ слободѣ дворъ архіепископля боярина Ивана Елизаровича Застолбскаго» (стр. 47-я). Это былъ человѣкъ, вполнѣ преданный святителю, человѣкъ правдивый: «онъ, говорить Житіе, содѣ-

⁽¹⁾ Сборникъ Пл. Любарскаго, стр. 31-я.

лялъ гробницу надъ гробомъ святителя и вѣтъ каменну
пемалу.»⁽¹⁾ Сынъ этого Застолбскаго Димитрій принялъ
монашество и, не смотря на богатство отца, подвизался въ
монастырѣ простымъ монахомъ; послѣ его смерти отецъ
похоронилъ его въ этой же гробницѣ и его-то тѣло найдено
было нетлѣннымъ. Послѣ открытия мощей благо-
честивые люди удостоивались чести погребенія въ этой
самой гробницѣ святителей. Теперь стоять въ ней гробы:
Ефрема митрополита Казанскаго, Епифанія архіепископа
Іерусалимскаго, епископа Андруссскаго Арсенія и Грузин-
скаго князя И. Е. Багратіона—Давидова.

Въ Спасскомъ монастырѣ сохранились до сей постройки
XVI вѣка. Кромѣ церкви Николы Ратнаго, выстроенной при
святителѣ Варсонофіи, Преображенскій Соборъ построенъ
въ 1596 году при царѣ Феодорѣ Ioannovichѣ. Соборъ этотъ
въ послѣдствіи подвергся многимъ передѣлкамъ и чтобы
определить его первоначальную архитектуру, нужно, какъ
справедливо замѣчаетъ Г. Прохоровъ⁽²⁾ о древнихъ на-
шихъ церквяхъ, анатомировать всю церковь, отнявъ отъ
нея позднѣйшія пристройки. Всѣ наши старинныя церкви
поражаютъ насъ необыкновенною красотою своей по-
стройки, соразмѣрностью частей, изяществомъ вѣнчанийъ
украшеній такъ, что съ первого же раза виды слѣды
греческаго генія, умѣвшаго придать красоту всему, къ
чему прикасалась рука грека. Наши первые церковные
мастера были греки, передавшіе свое искусство русскимъ
мастерамъ; церковная архитектура особенно развилась
въ нашихъ древнихъ свободныхъ городахъ—Новгородѣ и
Псковѣ. Съ XIII вѣка у насъ начинаетъ образовываться
свой особый архитектурный стиль. Вт это время въ Нов-
городѣ замѣтно вліяніе западное, на церковное зодчество—
именно подражаніе романскому стилю, но вмѣстѣ съ тѣмъ
несомнѣнно являются признаки самостоятельного зодче-
ства. Въ XVI вѣкѣ Москва забрала лучшихъ мастеровъ
изъ Новгорода и Пскова и потомъ сама подверглась влі-
янію востока и запада. Въ Москвѣ являются архитек-

(1) Тамъ-же, стр. 321—2.

(2) Хрест. Древн. 1872 г. вн. Поясн. матер. при из-
слѣдованіи архитект. въ Россіи, стр. 1.

торы изъ Западной Европы. Въ послѣдствіи времени Московскіе мастера уже начали давать тонъ древнимъ нашимъ городамъ. Въ Казани древнее церковное русское искусство выразилось особенно въ двухъ главныхъ храмахъ—Преображенскомъ и Благовѣщенскомъ Соборахъ. Особенно выразилось оно въ послѣднемъ Соборѣ, первый же Соборъ есть подражаніе второму. Та часть Благовѣщенского Собора, которая увѣнчана пятью главами, доселъ сохранилась въ своемъ первоначальномъ видѣ. Барабаны главъ очень изящны, ихъ украшенія напоминаютъ лучшіе наши древніе образцы. Видно, что мастера—Посникъ Яковлевъ и Иванъ Ширай были мастера, хорошо знакомые съ древними храмами своихъ родныхъ городовъ Пскова и Новгорода. Архитектура Казанского Каѳедрального Собора напоминаетъ архитектуру Новгородского Софійского Собора, церквей—Спаса въ Нередицахъ (близь Новгорода), Николы въ Липѣ, Феодора Стратилата, Дмитрія Селунскаго, Преображенія Господня, Успенія на Волотовомъ полѣ, въ Новгородѣ, и церкви Варлаама Хутынскаго, въ Псковѣ. Смотря на архитектуру древнихъ построекъ въ Казани, вы не можете уловить ихъ первообраза, но убѣждаетесь, что зодчие отъ каждой изъ указанныхъ церквей что-либо заимствовали. Въ этомъ вы еще болѣе убѣдитесь, разматривая превосходные рисунки, приложенные къ «Христіанскимъ Древностямъ» за 1871-й и 1875-й годы. Тѣ же главы, украшенныя около карниза небольшими арочками, узорчатыми поясами изъ кирпича, съ узкими окнами въ барабанахъ, тѣ же алтари, съ тремя выступами, украшенныя арками и колонками. Но въ теченіи 3-хъ вѣковъ прикосновеніе руки людей, необладавшихъ вкусомъ и умѣньемъ древнихъ нашихъ зодчихъ, исказило святую древность. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Преображенскій Соборъ строился по образцу Благовѣщенскаго. Какъ на томъ, такъ и на другомъ Соборѣ сначала были полукруглыя греческія крыши; желѣзо крыши покрывало главы по сводамъ и на среднемъ немногого возвышенномъ подъемѣ главы красовались невысокіе желѣзныя греческія кресты, съ прорѣзью и характерными украшеніями по концамъ. Еще теперь мы можемъ видѣть такія главы въ Казани у церкви Николы Магистратскаго. Позднѣйшіе архитекторы придали у

главъ Каѳедр. Собора восточныя (магометанскія) главы, въ видѣ луковицъ, тяжело и безобразно опускающіяся всею своею массою надъ легкими барабанами главъ. На Соборѣ же въ срединѣ придѣлаша глава въ романскомъ стилѣ, совершенно негармонирующія съ остальными зданіемъ. На Спасскомъ Соборѣ при перестройкѣ придѣлали восьмиугольный барабанъ для средней главы, совершенно другой архитектуры, и, къ довершенню дисгармоніи, украсили его греческими колоннами съ капителями. На алтарѣ и на передней части Благовѣщенскаго Собора сохранилась греческая полукруглая крыша, съ восьмью скатами, какъ дѣжалось это на всѣхъ нашихъ древнѣйшихъ храмахъ; еще доселѣ полукруглые скаты крыши Собора опираются на вѣнчія арки, даже подъ крышами остался подзоръ. Затѣмъ Соборъ Благовѣщенія обезображенъ пристройкою трапезы; архитектура си крайне неудачна и обличаетъ архитектора, неимѣвшаго ни малѣйшаго понятія о нашемъ древнемъ церковномъ зодчествѣ. Въ этомъ убѣдится всякий, кто взглянетъ на фигуру Собора, подѣлзжаи къ Казани по дамбѣ. Затѣмъ обезображивание древней Казанской святыни на томъ и остановилась. Прекрасная соборная колокольня, которую еще въ шестидесятыхъ годахъ предполагали возвысить,—благодареніе Богу—осталось въ прежнемъ видѣ. Вмѣсто крыши она живописно покрыта развообразными теремками; на главѣ прекрасный прорѣзной крестъ съ вѣнцомъ и голубицею Ноева ковчега. Въ Преображенскомъ Соборѣ дѣло зашло дальше. Позднѣйшіе архитекторы къ задней стѣнѣ собора пристроили безобразное зданіе, верхъ Собора исказиди, поднявъ всѣ стѣны собора такъ, что пришлось поднять и барабаны западныхъ главъ и уничтожить старинныя въ нихъ окна; отъ этого правильныя боковыя арки, на которыхъ опирались скаты крыши Собора, во многихъ мѣстахъ принуждены были также поднять. Вмѣсто ряда небольшихъ, но красивыхъ оконъ, въ верхней части стѣнъ Собора продѣлали широкія, безобразныя окна, безъ симметріи; внизу сдѣланы такія же окна, чѣмъ было нарушено мягкое верхнее освѣщеніе церкви, какъ-бы, напоминавшее молящемуся о томъ, что духовный свѣтъ исходитъ свыше, и уничтоженъ полуслѣдѣствіе святилища, освѣщавшагося не столько дневнымъ свѣтомъ, сколько пламенемъ свѣчъ и лампадъ предъ ико-

вами, полуствусть, поражающей насъ въ готическихъ храмахъ Запада и въ древнихъ обителяхъ русскихъ, (напр. въ великомъ соборѣ Киево-Печерской Лавры.) Къ довершению всего къ переднему фасаду храма Преображенія придаванъ сверху фронтоны польскихъ костеловъ, вѣроятно, изобрѣтеніе пріѣзжавшихъ съ нѣкоторыми Казанскими владыками Киевскихъ ученыхъ. (1), незнавшихъ византійскихъ памятниковъ церковной архитектуры.

Переднія главы Соборовъ, гдѣ помѣщались—въ одной монастырская казна, а въ другой—ризница, остались, какъ и были сдѣланы онъ сначала, безъ оконъ, но ходы въ эти главы въ стѣнахъ еще на нашей памяти были заложены. Въ Каѳедральномъ соборѣ видно начало лѣваго хода въ алтарѣ, изъ котораго вель онъ сначала на хоры, гдѣ, вѣроятно, помѣщались во время богослуженія женщины. Такія входы недавно открыты въ Киево-Софійскомъ Соборѣ и у Георгія въ Ладогѣ. (2) Въ Соборной описи показаны вещи, хранившіяся въ Ризнице (стр. 12) и въ Казинѣ (стр. 15), особо.

Монастырская ограда устроена въ XVII вѣкѣ. Такъ гласитъ надпись надъ св. вратами монастыря, высѣченная вязью. На воротахъ въ этомъ вѣкѣ была устроена церковь Богородицы Положенія честныхъ риз Ее; это было при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, по благословенію Макарія Антіохійскаго патріарха и Іоасафа патріарха Все-рussiйскаго въ 1718 году. На вторыхъ монастырскихъ воротахъ, къ церкви Кипріановской, существовала другая церковь Макарія Калязинскаго. Въ XVII вѣкѣ эти церкви на воротахъ уничтожены, а на мѣсто ихъ построены новые: на св. воротахъ церковь Св. Великому-ченицы Варвары, да при монастырской больницѣ устроена церковь во имя Самсоны Страннопріимца. Монастыр-скія кельи и службы выстроены въ разное время (3). Древ-ностью архитектуры и кладкою поражаютъ насъ и дот-

(1) У Любарскаго есть извѣстіе, что передѣлкой Со-бора занимался архимандритъ Преображенскаго монастыря Германъ Барутовичъ. Сбор. стр. 48.

(2) Христ. Древн. 1875 г. 62 стр. и 1872 г. стр. 17.

(3) См. Сборникъ Платона Любарскаго, стр. 53-я.

сей—нижний этажъ монастырскихъ келлій, съверо-восточную часть котораго должно отнести къ XVI вѣку и часть строеній на конюшенномъ дворѣ, занятая и доселе живымъ помѣщеніемъ.

По Писцовой книгѣ (стр. 48) во владѣніи монастыря состояла особая слободка за Булакомъ, называвшаяся Преображенскою; въ ней, кроме монастырского скотнаго двора (коровьяго), стояло 4 двора крестьянскихъ. На новомъ острогѣ, гдѣ были прежде монастырские огороды, было построено 9 дворовъ казачьихъ, а жили въ нихъ, какъ значится въ книгѣ, «монастырские дѣтеныши и мастеровые люди.» Кто были эти монастырские дѣтеныши, объясняется въ грамотѣ царской 7079 года, гдѣ разрѣшается прибавить земли къ оградѣ Преображенскаго монастыря на томъ основаніи, что монастырю на служекъ и ихъ дѣтей (которые—замѣтимъ мимоходомъ—были люди свободные или казаки) жалованнаго царскаго мѣста было не дано. Всего за Преображенскимъ монастыремъ въ Казани числилось дворовъ 39, а людей въ дворахъ 41 человѣкъ. Эти монастырские крестьяне показали окольничимъ Никитѣ Борисову да Дмитрію Кикину свои дворы бѣлыми; они ни въ какія дѣла, ни въ разметы не тянули, т. е. не участвовали въ платѣ тягловыхъ податей, которые разверстывались по числу городскихъ жителей и по ихъ имуществамъ, по животамъ и промысламъ, какъ тогда официально писали. (¹) На опросѣ архимандритъ Іеремія сказалъ, что «тѣхъ монастырскихъ крестьяне дѣлаютъ на монастырѣ, кельи ставить, и городьбу городятъ на монастырь къ службамъ, въ поварни дрова и воду возять и квасъ варять, и за городомъ конюшенья на коровей дворъ дѣлаютъ. и огородъ пашутъ, и всакія монастырскія дѣла дѣлаютъ, а оброку, сказалъ, съ тѣхъ монастырскихъ крестьянъ не емлють для дѣла.» (стр. 49-я.) Кромѣ того у монастыря были сѣнокосы въ животинные выписки (т. е. выгоны для скота) внизъ по Волгѣ, по ту сторону р. Казанки, по обѣ стороны Ички. (Стр. 55-я).

Монастырь владѣлъ, по царскимъ жалованнымъ грамотамъ, землями и деревнями. На рекѣ Ноксѣ была въ его

(¹): См. выше, стр. 40-я.

владѣніи—сельца Клыкъ и Средней Клыкъ; на рѣкѣ Дертулевкѣ—починокъ Самасырь, починокъ Сафаровъ и Ангильдѣевъ на той же Ноксѣ, починокъ Полянка и Невой подъ Чернымъ пнемъ, деревня Борисова на 3-мъ Кабанѣ, пустошь Мамокова и сельцо Куюкъ на р. Куюковкѣ. Въ этихъ деревняхъ, сельцахъ и починкахъ было 3-ри монастырскихъ двора и 44-ре двора «крестьянскихъ, и полонаничихъ, и новокрещенскихъ, и чувашскихъ.» При нихъ было пашни «203 четверти, перелогу 63 четверти, зарослей и дубровъ пашенныхъ 53 десятины, да въ дву по тому жъ ⁽¹⁾, сѣна ставилось 890 копенъ лѣса, пашенного было 50 десятинъ, пашенного и непашенного врозни 10 верстъ съ полуверстою, а поперегъ на 7 верстъ съ полуверстою, по смильть.» ⁽²⁾ Не смотря на значительную поземельную собственность, монастырь получалъ довольно ограниченный доходъ съ своихъ земель. На этихъ земляхъ сѣли различные поселенцы, большая часть которыхъ состояла на льготѣ и только съ 1573 и 1577 года должны были отбывать монастырю барщину запашкою, по десятинѣ на дворъ. Вотъ почему монастырь съ трудомъ могъ содержать самъ себя. Изъ оставшихся документовъ видно, что самая незначительная изъ нашъ взглядъ суммы считались для монастырской экономіи значительными. Въ своемъ челобитьѣ святит. Варсонофій Царю Ивану Васильевичу въ 1562 г., жалуется на крестьянина села Царицына на Ивана, да на Прошку Ограва, что они взяли у монастыря два рубля на лѣсъ, да на медъ одинъ рубль и не отдаютъ ни денегъ, ни лѣсу, ни меду. ⁽³⁾ Бояре также отнимали у монастыря земли и покосы и не обращали вниманія на челобитья архимандрита. ⁽⁴⁾ Вообще изъ различныхъ мѣстъ Писцовой книги видно, что положеніе края было далеко незавидное. Русские переселенцы не успѣли еще занять края и извле-

⁽¹⁾ Обыкновенное выражение Писцовыхъ книгъ, обусловленное нашимъ трехпольнымъ хозяйствомъ.

⁽²⁾ Поля вымѣривалось по глазомѣру, по пословицѣ «мѣрила баба ключой, да махнула рукой.»

⁽³⁾ Сборн. Пл. Любарского, стр. 54 и 55.

⁽⁴⁾ Тамже, стр. 54.

сать пользу изъ его естественныхъ богатствъ; мѣстные жители неохотно шли на монастырскія земли, хотя эти земли не несли казенного посошнаго тягла, пользовались льготою, и даже освобождались отъ платежей въ пользу монастыря на нѣсколько лѣтъ. Да и тѣхъ крестьянъ, которые шли на монастырскія земли, трудно было удержать на нихъ,—границы наши въ Низовомъ краѣ были слишкомъ неопределены, при первомъ случаѣ крестьяне бросали свои земли и шли далѣе на новые; Вятка служила издавна притономъ для всѣхъ гулящихъ людей; русскіе завладѣли край, но еще не стали здѣсь твердою ногою и при первомъ возстаніи края невозвратно погибаль весь трудъ земледѣльца; все нажитое имъ добро. Такимъ образомъ становится понятной Московская политика относительно монастырскихъ имѣній. Мы знаемъ, что Грозный въ 1551 году Соборнымъ опредѣленіемъ окончательно прекратилъ всѣ словопрѣнія о правѣ монастырей и церквей владѣть населенными имѣніями,—покупка монастырями новыхъ частныхъ земель прекращена, неправильно присвоенные земли черныя и помѣстныя отъ монастырей отобраны, сдѣлано еще больше,—въ Твери, Торжкѣ, Рязани отобраны въ казну имѣнія, пріобрѣтенные монастырями безъ доклада о томъ Государю. Въ 1558 году собранъ въ Москву новый Соборъ, который не только подтвердилъ все прежде установленное, но еще положилъ отобрать отъ монастырей Княжескія вотчины и помѣстья, ими пріобрѣтенные, на томъ основаніи, что «отъ этого отчужденія ихъ въ пользу монастырей и воинственному чину происходитъ скудевіе велие.» Но въ тоже время подъ рукой Царь Иоаннъ IV милостиво жаловалъ монастырямъ земли, охотно выдавалъ тарханныя грамоты. Вдумываясь въ Московскую политику въ Казанскомъ краѣ, легко отыскать и разгадку такой политики. Монастыри, всегда относившіяся довольно мягко къ своимъ крестьянамъ и имѣвшіе право судить ихъ своимъ судомъ, могли легко и скороolonизовать новый край, привлекши на свои земли выходцевъ изъ Россіи. У Иоанна IV и его преемниковъ и въ самомъ прикреплении крестьянъ къ землѣ была также двойственная политика. Государство съ одной стороны запрещало побѣги, съ другой—поощрало новый переселенія различными льготами. Отъ временъ Еровнаго до-

шли до насть дзвѣ несудныя грамоты, давныя въ 1555 и 1582-мъ годахъ Спасо-Преображенскому монастырю; эти грамоты подтверждены Феодоромъ Ioанновичемъ и Царемъ Борисомъ въ 1588 и 1599 годахъ. (¹) Въ своихъ имѣніяхъ монастырь имѣлъ три мельницы и ему представлена были рыбныя ловли въ устьѣ Казанки и на Волгѣ, въ такъ называемомъ Чертыхѣ, отъ верхнія взголови по нижнюю взголовъ» Въ Тетюшскихъ водахъ монастырь пользовался уловомъ рыбы по 12-ти связокъ, а вмѣстѣ съ Соборнымъ Протопопомъ и братію его имѣлъ право ловить рыбу во всѣхъ трехъ Кабанахъ. Подъ самою Казанью были монастырскіе луга, по записи Писцовой книги, «за рѣкою Ички—Казанью до Царева Луга, что нынѣ воеvodскіе, по дорожку отъ города чрезъ Ичку—Казань и до рѣчки до Туры—Казани.» Къ этому лугу былъ прибавленъ архимандриту съ братіей покосъ на городской сторонѣ р. Ички—Казани, принадлежавшій выбывшимъ изъ Казани на службу въ Астрахань сотникамъ стрѣлецкимъ, Ширлю Кузминскому да Елизарю Ивину Глядкову. Поводомъ для этой прибавки указано, что «которые покосы прежь того къ монастырю даны, и тѣ всѣ за рѣкою Ички—Казанью, и лѣтомъ и осеню до зимняго пути въ монастырь сѣна возити нельзя» по причинѣ болѣтистой мѣстности. Въ Писцовой книгѣ есть еще замѣтка, что монастырь получалъ ругу, но «этую ругу архимандритъ съ братію емлють (получаютъ) на Москвѣ, а писано у Государевыхъ дьяковъ въ болыпемъ приходѣ.»

Перейдемъ къ описанію Соборной Благовѣщенской церкви. Объ основаніи церкви разсказывается въ нашихъ лѣтописяхъ такъ: «1552 года, Октября 4 дnia Государь поѣхалъ въ градъ и, изобразивъ мѣсто, водрузилъ на немъ крестъ своими руками царскими и обложилъ на томъ мѣстѣ храмъ во имя Владычицы нашей Богородицы честнаго Ея Благовѣщенія и пѣль молебенъ Протопопъ Андрей со игуменомъ и со священники.... того же мѣсяца шестаго дnia освящалъ Государь церковь Соборную Благовѣщенія Пречист. Богородицы, а освящалъ Антоний Протопопъ, да съ Святыми Рождественской Протопопией.

(¹) См. Сборн. Любар., стр. 55—58.

сій, и со Игумены и со священники». (1) Но вновь основанная церковь была деревянная; каменный Соборъ на мѣстѣ деревянного былъ выстроенъ въ 1561—62 годахъ и освященъ Августа 15 дня, 1562 года. На всю постройку употреблено было, включая въ ту сумму и плату мастеровыми, всего 148 рублей 24 коп. (2)

Наружность Соборной Благовѣщенской церкви въ XVI в.
мы уже отчасти описали; къ описанію этому нужно прибавить, что въ шестидесятыхъ годахъ XVI вѣка «соборная колокольница на площади была деревянная, а на ней колоколъ благовѣстный большой съ очапомъ, да два колокола середніе, да два зазвонные меньшіе, всѣ колоколы Государевы казны.» (Писц. кн. стр. 17-я). Иконостасъ Соборный также имѣлъ двое двери и они были на золотѣ; Деисусъ состоялъ изъ 9 образовъ, мѣстные образа были пожертвованія Государева; они состояли изъ образовъ—Страшнаго Суда, Господа Вседержителя, Тихвинской Богородицы и Николая Чудотворца. Послѣдніе три образа показываютъ и доселѣ въ Соборной церкви, они большихъ размѣровъ и очень хорошаго стариннаго письма. По преданію, они-то именно и присланы были царемъ въ новопокоренную Казань съ святит. Гуріемъ. Въ Житіи его, составленномъ митрополитомъ Гермогеномъ, есть замѣтка, что «проводили изъ Москвы Царь и митрополитъ архиеп. Гурія и честныя и чудотворныя иконы мѣстныя, коимъ въ Казань быти.» (3) Русская самостоятельная школа иконописи возникла у насъ на Руси въ XV столѣтіи, подъ влияніемъ греческихъ иконописцевъ. Въ летописяхъ этого времени упоминается о «гречинѣ Феофанѣ иконнике, да Прохорѣ старцѣ, да о чернецѣ Андреѣ Рублевѣ» (4) Такимъ образомъ, получившій художественное образованіе подъ влияніемъ гречина Феофана, нашъ русскій иноскъ Рублевъ положилъ начало Московской живописной школѣ. Школа эта имѣла такое важное

(1) Чербат., стр. 372-я.

(2) Ист. Казани Рыбушкиной, 1-е изд. стр. 61.

(3) Сборн. Любарского, стр. 17-я.

(4) Соф. Врем., ч. I, стр. 405. Никоновская летопись, ч. IV, стр. 257-я.

значение для Русской Церкви, что Стоглавый Соборъ нашёл нужнымъ однимъ изъ своихъ каноновъ утвердить иконы Рублевской школы особой санкціей,—онъ повелѣлъ иконописцамъ придерживаться «тѣхъ древнихъ перево-довъ, како греческіе иконописцы писали и какъ писалъ Андрей Рублевъ и прочие пресловущіе иконописцы.»⁽¹⁾ Соборные Казанскія иконы, безъ сомнѣнія, принадлежать этой школѣ.

Храмовая Соборная икона Благовѣщенія Пресв. Богородицы, по описи Писцовой книги (стр. 10), была обложена серебромъ; «вѣнцы у Пречистыя и у Архангела серебряные позолоченные сканые; украшена была икона вѣсколькими лѣянками червлеными и синими и хрустальными камнями, числомъ до бѣтью.» Украшеніе, какъ видимъ, очень небогатое, но за то вся Казанская аристократія увѣшала икону различными прикладами. Воевода Петръ Шуйскій сдѣлалъ къ иконѣ жемчужную поднизи и гравну, украшенную жемчугомъ; два золотыхъ угорскихъ,⁽²⁾ да

---

(1) Стогл., изд. Кожанч. XLІ гл., вопр. I-й, стр. 128.

(2) Въ древней Руси ходили золотыя монеты иностраннаго чекана: золотыя Венгерскіе и золотые *корабленники* или англійскіе монеты XIV столѣтія, чеканеніе при короляхъ Эдуардѣ III и Генрихѣ VI,—корабленниками назывались потому, что имѣли изображенія на одной сторонѣ короля въ латахъ *на корабль*, а на обратной розу съ текстомъ по-латини 30 стиха IV глав. отъ Луки. Монеты эти шли въ Русь чрезъ Новгородъ; въ лѣтописяхъ есть замѣтка (Рус. лѣтописцъ, III, 53, 60), что Иоанну III Новгородцы въ 1475 поднесли 300 корабленниковъ. Что касается до Португальезовъ—(золотыхъ Португальскихъ монетъ), то ходивши въ Россіи въ это время Португальезы едва-ли были настоящіе, а не ливонскіе золотые, чеканенные при магистрѣ Плетеабергѣ, съ изображеніемъ съ одной стороны Богоматери, а съ другой бюста магистра. Выше упоминается въ числѣ привѣсокъ къ образу Преображенія о двухъ новгородкахъ—позолоченныхъ, да двухъ дѣньгахъ. *Новгородками* назывались въ XV вѣкѣ золотыя монеты, вѣсомъ около $\frac{1}{6}$ золотника, чеканенные въ Новгородѣ, а *деньгами*—точно та-

золотой корабленикъ приложилъ къ иконѣ князь Семенъ Микулинскій, золотой угорскій—Петръ Морозовъ, два золотыхъ угорскихъ—князь Дмитрій Палецкій, золотой Пртугальской (а въ немъ 10 золотыхъ угорскихъ), да сережки жемчуги уродцы, одинцы (т. е. жемчужины неправильной формы, по крупныя) на золотѣ поступили отъ Федора Адашева, золотой Угорскій отъ князя Ивана Хворостина, крестъ золотой отъ князя Михаила Оболенскаго, золотой угорской отъ княгини Татевой, серьги съ жемчугомъ и лазиками отъ Михаила Лыкова, словомъ—всѣ Казанскіе воеводы и всѣ тѣ люди, которые участвовали въ покореніи края своими доблестными подвигами, заявили свое усердіе къ Благовѣщенской церкви своими при-

---

кого же вѣса монеты Псковскія; на первой изображался сидящій человѣкъ съ рукою протянутою къ другому, стоящему предъ нимъ въ просительномъ положеніи, на обратѣ крестъ и по полю надпись «*Великаю Новгороду*»; на второй—поясное изображеніе князя и надпись «*деньга Исковская*». Около этого времени появились *деньги* Московскаго чекана, вѣсколько большаго вѣса. Золотые монеты давались нашими государями въ награду военачальникамъ, а серебряные воинамъ послѣ какихъ-либо побѣдъ. За Казанскій походъ Царь Иоаннъ IV раздалъ 48,000 рублей войску, кроме почетныхъ шубъ, коней, кубковъ и ковшей (Щерб. стр. 382) Царь Феодоръ Иоанновичъ въ 1591 году подарилъ бояръ Мстиславскаго и Годунова португальцами. (Древн. Рус. Успенского, ч. II, 680) Вѣроятно, золотые монеты, приложенные къ иконѣ имѣли точно такое же происхожденіе. Иностранные писатели того времени рассказываютъ что русскіе воины, получавши за свою храбрость серебряныя монеты отъ Государя, пришивали ихъ къ шапкѣ или рукаву и гордо разъезжали въ этихъ медаляхъ между товарищами. За Ливопскій походъ, «за службу Богдану Бѣльскому Грозный пожаловалъ золотой Португальской да ч(ц)ѣпъ золоту, Демешѣ Черемисинову пожаловалъ присланъ Угорской золотой, а дворянамъ всѣмъ по новгородскѣ—золотой (Древн. Рос. Бавлію. XIV, 156). Эти пожалованія были нечто въ родѣ медалей.

ношениями. Участвовали въ этихъ приношенияхъ и люди низшихъ сословій,—дьяки Кузьма Федоровъ и дьякъ Мелентій и торговый человѣкъ Володимерецъ Иванъ Шахновъ также сдѣлали свои приклады къ иконѣ Богоматери и даже болѣе, чѣмъ прочие, напримѣръ, дьякъ Федоровъ пожертвовалъ три корабленика. (Писц. кн. стр. 11.).

Верхъ иконостаса былъ украшенъ Деисусомъ изъ 9 иконъ, пожертвованныхъ Царемъ. Подсвѣчники въ Соборѣ были и мѣдные, но большая часть изъ нихъ были сдѣланы изъ желѣза и дерева. Свѣчи изъ благо воска, разукрашенныя, считались тогда очень цѣнными такъ, что составлявшіе опись соборному имуществу нашли нужнымъ записать въ опись свѣчи поставленыя Государева и князя Горбатаго къ мѣстнымъ иконамъ. Просмотримъ опись Писцовой книги и отмѣтимъ особенно замѣчательныя записи.

Омофоры дѣлались съ изображеніями иконъ. На одномъ омофорѣ бѣлой замки были вышиты образа: «Спасовъ, да образъ Живоначальной Троицы, да Распятіе Христово, да Воскресеніе, да Благовѣщеніе.» (стр. 17) На шапкѣ свѣтильской вышиты были образъ Св. Троицы, а на другой Деисусъ; шапки опушивались горностаемъ. (стр. 16) Въ ризницахъ находились двѣ паремонатки (монашескій параманъ?) съ крестами, вышитыми жемчугомъ и шелками и съ такимъ же подножіемъ у крестовъ. Судари также были и въ Соборной ризнице, какъ и въ Спасской съ вышитыми изображеніями Спасителя и Воплощенія Пречистыя или образа Знаменія Прес. Богородицы Спасителя съ образомъ лежащаго на дискоѣ, въ видѣ младенца, охраняемый херувимами, ангелами съ рипадами и серафимами, какъ мы это видимъ на воздухахъ въ Преображенскомъ монастырѣ. ⁽¹⁾ Въ описи ризницы так-

⁽¹⁾ На одномъ воздухѣ XVII вѣка въ Спасскомъ монастырѣ надъ Іисусомъ Христомъ паритъ Серафимъ, который держитъ въ одной руцѣ ложечку, а въ другой продолговатую бутылочку. Изображенія Серафимовъ съ распостертыми руками мы видимъ на Аѳонскихъ рипадахъ (Христ. Древн., 1864 г., кн. 3-я); склянка же есть символъ пріобщенія Кровію Христовою. На мусіи Златовер-

же упоминаются ширинки и сулки, употреблявшиеся для обертывания руки, когда святитель принималъ въ руку пастырскій жезль, обыкновенно металлическій. (Такой жезль показанъ и въ Писц. книгѣ, стр. 15-я). Такое употребление сулка объясняется тѣмъ, что наши древніе храмы не всегда были теплы, а на холодѣ зимой отъ прикосновенія голыми руками къ металлу легко было отморозить оконечности пальцевъ. Именно такой способъ употребленія сулки представляетъ портретъ патр. Іоасафа съ жезломъ въ «Христ. Древностяхъ» (1862 г. кн. 2). Подобная же предосторожность отъ прикосновенія головою къ холодному полу при земныхъ поклонахъ вызвала употребленіе въ церквахъ древней Руси *возглавий* или *словесей*, которые записаны въ Соборной описи (Писц. кн. стр. 15); они были рытаго бархата, подложены тафтой. Въ числѣ вещей, состоявшихъ въ ризницахъ, было нѣсколько вещей, пожертвованныхъ святителемъ Гуріемъ; эти пожертвованія состояли изъ ризъ, стихарей, ковровъ, образовъ, рукоцнаго евангелія. Архіепископъ Германъ также пожертвовалъ нѣсколько иконъ въ Соборъ, которые и были поставлены по правую сторону мѣстныхъ; это были обра-за—Живоначальные Троицы, Николая Чудотворца и сим-водическая икона Софіи Премудрости Божіей. Въ сказа-віи ⁽¹⁾ патріарха Гермогена объ открытіи мощей святы-теля Гурія упоминается, что «въ головахъ свят. Гурія былъ найденъ клобукъ греческій, вязень, не довершень (т. е., неоконченный). Ученики Варсонофіевы сказали Гер-могену, что этотъ клобукъ работы Святителя и былъ на-значенъ имъ въ подарокъ св. Гурію, но какъ тотъ скон-чался ранѣе окончавія работы, то свят. Варсонофій и положилъ недоконченный клобукъ въ гробъ своего па-ставника и архинастыра. Въ описи (стр. 16) показанъ бѣ-лый вязеный клобукъ, у которого рясы (концы) шиты зо-лотцомъ, да серебромъ. Два такихъ вязеныхъ клобука со-

---

хо-Михайловскаго монастыря Христосъ пріобщаетъ апо-столовъ изъ склянцы (Хр. Др. 1875 г. 66); тоже видимъ на миніатюрахъ Годуновской Псалтири (Рукоп. Соловец. Бібл. № 748 стр. 481).

(¹) Сборн. Любарского, стр. 31.

храшились въ ризнице Соборной. Кромѣ того тамъ же хранятся нѣсколько бѣлыхъшелковыхъ клобуковъ, изъ которыхъ есть вышитые золотомъ. По всей вѣроятности, эти послѣдніе клобуки Казанскихъ митрополитовъ; что же касается до клобуковъ вязеныхъ, то они совершенно сходны съ тѣми клобуками, которые показываются доселъ въ старомъ Ростовѣ, при мощахъ святителей—Леонтия, Исаи и Игнатія. Въ древней Руси всѣ святители носили бѣлые клобуки, что показываютъ намъ древнія изображенія Св. Леонтия Ростовскаго и другихъ и подтверждаетъ разсказъ Никоповской лѣтописи о кончинѣ Препод. Сергія. Легенда о Новгородскомъ бѣломъ клобуке узаконяетъ ношеніе бѣлаго клобука лишь одному Новгородскому Владыкѣ, получившему, будто-бы, клобукъ Сильвестра Папы Римскаго, данный этому послѣднему Константиномъ Великимъ⁽¹⁾, но это неправда. Въ соборной ризнице сохранилась доселъ панагія съ частицейю мощей св. Гурія, съ частію его волосовъ и частями отъ одежды и той хлопчатой бумаги, которою Гермогенъ собираль миро съ мощей святителя при ихъ открытии⁽²⁾. Самою же пе-

(1) Древн. Рос. Успенскаго, ч. II, стр. 436-я.

(2) Сборн. Любарскаго стр. 30-я. Кромѣ того въ соборной церкви заслуживаютъ вниманія слѣдующіе предметы: 1) ковчегъ изящной работы, въ которомъ хранилась часть мощей святителя; 2) крестъ, обитый басменомъ деревянный, безъ изображеній, украшенный камилами; 3) панагія изъ темнаго камня въ родѣ шифера, рѣзная; 4) нѣсколько вышитыхъ иконъ съ баҳромою, назначенныхъ для ношенія во время крестныхъ ходовъ, 1621 года; онѣ надѣвались на шею носильщиковъ и полагались на грудь; 5) старинный холщевый антикваръ временъ Грознаго, давшій въ одну Свіяжскую церковь; 6) саккосъ съ прекрасными вышитыми изображеніями святыхъ, которыми онъ почти весь покрытъ, съ надписью по идолу, которая гласитъ, что онъ подаренъ братьями Дмитріемъ Андреевичемъ и Григоріемъ Строгановыми митрополиту Казанскому Лаврентію (1657—1672); 7) ковшъ патріарха Филарета Никитича, пожертвованій имъ въ Ростовскій Соборъ; 8) митрополичье сѣло на одну сторону, бархат-

оцѣненою святыней Благовѣщенскаго Собора служить рака св. Гурія съ его мощами. Около раки находятся: фелонь изъ камки, въ которой лежалъ святитель во гробѣ и его жезль, съ приспособленіемъ для того, чтобы опираться на него грудью; потому что святитель отъ страданій, вынесенныхъ имъ въ тюремномъ заключеніи у князя Ценькова, а частію отъ частыхъ и продолжительныхъ молитвъ въ послѣднее время своей жизни страдалъ слабостію въ ногахъ, и не могъ слушать Богослуженіе, стоя безъ опоры.

Перечислимъ другія церкви Казанскаго Кремля.

1) При Благовѣщенскомъ Соборѣ было два придѣла. «У Соборные же церкви, говорить намъ Писцовая книга (стр. 10), у Благовѣщенія Пречистые въ придѣлѣ двѣ церкви: *Страстотерпцевъ Христовыхъ Бориса и Глѣба*, да въ другомъ придѣлѣ у Благовѣщенія *Муромскихъ Чудотворцевъ* (Петра и Февроніи.)» Церкви были надѣлены утварью изъ Государевой казны, во это пожертвованіе Царя и Великаго Князя было не особенно щедро: нѣсколько образовъ, холщевые ризы съ выбойчатымъ оплечьемъ, евангелія въ мѣдномъ окладѣ, сосуды съ приборомъ—въ одной церкви оловянные, а въ другой—деревянные точеные—вотъ и вся церковная утварь. 2) На Воскресенскихъ воротахъ была также церковь во имя *Воскресенія*

ное малиновое внутри, а снаружи оббитое зеленою съ золотыми разводами матеріею. Сидѣніе сѣда сдѣлано въ видѣ кресла, спереди придѣлана обыкновенная сѣдельная лука. Сѣдо это, должно быть, употреблялось для шествія митрополитовъ и архіепископовъ Казанскихъ на осляти въ недѣлю Вай, которое отмѣнено по городамъ лишь Соборнымъ опредѣленіемъ 1678 года, допустившимъ въ замѣнѣ хода только лишь молебствіе и освященіе вай предъ иконою входа Господня во Іерусалимъ, которую выносили для этого въ Вербное воскресеніе на особо уготованное мѣсто. (Акт. Арх. Экспед. IV, стр. 223-я) Вирочемъ, по епархіямъ совершался и другой обрядъ шествія на осляти епископа, вновь посвященнаго на епархію, для благословенія города, тотчасъ по его прибытии послѣ посвященія изъ Москвы.

Христова. Зданіе ея сохранилось доселѣ, и оно напоминаетъ своею формою тѣ надворотныя зданія, которыя мы видимъ на рисункахъ того времени, напр. на миниатюрахъ Годуновой Псалтири (стр. 116-я). Утварь, пожертвованная Государемъ въ эту церковь, была совершенно сходна съ описанною нами,—сосуды были деревянные.

3) У Збойливыхъ или Димитревскихъ воротъ стояла внутри Кремля Церковь Димитрія Солунскаго. Св. Великомученикъ Димитрій Солунскій былъ особенно чтимъ на Руси; это особенное почтеніе къ нему перешло отъ южныхъ славянъ. У этой церкви былъ придель Аѳанасія Александрийскаго. Обѣ церкви были поставлены и снабжены утварью изъ Царской казны; утварь церквей была одинакова, по числу вещей и по стоимости, съ утварью вышеупомянутыхъ придельныхъ церквей при Соборѣ.

4) У Сергиевскихъ (бывшихъ Тюменскихъ) воротъ стояла церковь Сергія Чудотворца. Она была выстроена и снабжена утварью на счетъ архимандрита и братіи Троицкаго-Сергіева монастыря. При церкви Преп. Сергія была другая теплая церковь во имя Живоначальной Троицы. Основаніе этихъ церквей имѣть связь съ осадою и взятиемъ Казани. Преп. Сергій почитался въ древней Руси, какъ всегда готовый защитникъ и помощникъ ратныхъ людей въ битвахъ съ исконными врагами Россіи,—татарами. Онъ благословилъ Димитрія Донскаго, отправлявшагося на Куликовскую битву. Въ нашемъ лагерѣ подъ Казанью въ 1552 году въ числѣ походныхъ церквей была церковь Преп. Сергія, «къ нему же по вся дни хождаше Государь», по словамъ Царственной книги.⁽¹⁾ По всейѣ вѣроятности, эта церковь была устроена на счетъ Сергиевской Лавры и заключала въ себѣ Лавровія иконы и святыни. По показанію Глазатова,⁽²⁾ предъ вступлениемъ въ послѣднюю битву подъ Казанью, старецъ Сергиевой Лавры поднесъ Государю, для благословенія, крестъ съ мощами, образъ Видѣнія Сергіева и воду отъ раки его и преподалъ благословеніе Царю отъ Игумена Троицкой Лавры. Когда мы одержали побѣду надъ татарами и на

(1) Царств. кн., стр. 268-я.

(2) Ист. о Каз. царствѣ стр. 233-я.

Арскомъ полѣ, то Царь почелъ своимъ долгомъ тогчасъ же посѣтить церковь Чудотворца и помолиться предъ его иконою. ⁽¹⁾ Предъ приступомъ къ Казани Государь слушалъ обѣдню въ церкви Свят. Сергія Радонежскаго; въ свидѣтельствѣ о томъ одинаково сходятся и Глазатовъ и писатель Царственной книги. ⁽²⁾ Наконецъ послѣ штурма Царь съ воинами приноситъ благодареніе о побѣдѣ въ Сергиевской церкви. ⁽³⁾ Въ Русскомъ войскѣ ходило очень много слуховъ о чудесной помощи преп. Сергія войскамъ Царскимъ. Такъ говорили, что татары видѣли двухъ монаховъ, ходившихъ быстро по Казанскимъ стѣнамъ. Въ одно время татары зашли въ какую-то землѣпку въ Казани и нашли тамъ на богато убранной постели сѣдаго старика, который началъ ихъ уговаривать поддаться Московскому Государю, а потомъ сталъ невидимъ. ⁽⁴⁾ Когда царь перебрался чрезъ Суру, къ нему прїхалъ изъ Нижняго протопопъ и пересказалъ о явленіи пономарю Нижегородской Зачатейской церкви, передъ заутренею, какого-то святаго старца, который повелѣлъ ему идти звонить, и потомъ сказалъ, что онъ сиѣшился на помощь Царю Ивану въ Казань. ⁽⁵⁾ Очень понятно, почему по взятии Казани дозволено было Троице-Сергіевой Лаврѣ имѣть въ Казани церковь, близъ тѣхъ воротъ, гдѣ былъ главный подкопъ подъ стѣну крѣпости, и свое подворье. Украшеніе церкви было также небогатое, а прикладъ отъ Государя состоялъ лишь въ деревянныхъ сосудахъ съ приборомъ и въ двухъ выбойкахъ. (Писц. кн. стр. 24-я) Мѣсто этой церкви, вѣроятно, было близъ стѣны у тѣхъ воротъ, которыя иныѣ стоятъ, какъ мы сказали, въ оградѣ Преображенского монастыря. Дворъ Преображенского монастыря находился ближе къ Кипріановской церкви противъ св. воротъ Преображенского монастыря (Писц. кн. стр. 35). Къ монастырскому двору приписано,

⁽¹⁾ Царств. книга, стр. 283-мъ

⁽²⁾ Ист. о Каз. царст. стр. 235. сравн. съ Царств. книг. стр. 301.

⁽³⁾ Арцыбашева, Повѣств. о Россіи т. II, стр. 209.

⁽⁴⁾ Царств. кн. стр. 169-я.

⁽⁵⁾ Тамъ-же, стр. 257-я.

по Писцовой книгѣ, «мѣста пустаго межъ тюремъ и межъ ногацкова сторожева двора.» Вѣроятно, это было сдѣлано вслѣдствіе просьбы свят. Варсонофія, о ко-торой мы упоминали выше. — Предполагать именно въ этомъ мѣстѣ церковь Препод. Сергія заставляетъ насть вышеуказанное замѣчаніе Писцовой книги, помѣщающее Преображенскій монастырь между Сергиевскими и Спас-скими воротами. 5) На большой Кремлевской улицѣ отъ Спасскихъ воротъ близко *старые городовые стѣны* стояла церковь *Кирилла и Устины*. Мы видимъ, что Писцовая книга во второй разъ упоминаетъ о старой городовой стѣнѣ или городѣ; въ первый разъ говорилось о ней при описи Песольского двора. Городовая стѣна была сдѣлана не въ одинъ разъ вокругъ Казанского Кремля: часть ея была устроена въ 1555 году, когда строились Спасскія ворота и изъкотория церкви изъ бѣлаго камня Исковскими мастерами; часть Кремля, обнесенная при взятии Казани деревянными стѣнами, въ 1564 году была укрѣплена новою деревянною стѣною (Писц. кн. стр. 6-я), такъ какъ деревянные стѣны были всегда вендрочны и скоро гнивали. Потому мы видимъ въ Писц. книге дѣленіе стѣнъ Казан-скихъ на старыя и на новые. Церковь Кирилла и Ус-тины, какъ говорить преданіе, (¹) основана въ день взя-тія Казани. Изъ Писцовой книги мы видимъ, что эта церковь была также предметомъ особой заботливости Царя Ивана Васильевича; церковь была поставлена и сваджена утварью на его счетъ. Впрочемъ ризница и утвари цер-кови въ ней были совершенно тѣ же, какъ и въ про-чихъ кремлевскихъ церквяхъ, о которыхъ мы говорили выше; сосуды деревянные, «у церкви два колокола неве-ликіе, жалованья годовыя руги попу 4 рубли... понома-рю полтица» и проч.

При Соборной церкви, на площади, стоялъ дворъ Архи-епископа. Онъ состоялъ изъ двухъ горницъ съ комнатамъ и сбіями съ извалушей; крыльце было общее для

(¹) Извѣстіе это сохранилось въ видѣ преданія, но о чёмъ не упоминаетъ ни Царственная книга, ни Лизловъ, ни Исторія о Казанскомъ царствѣ, и даже ни Карамзинъ, ни Арцыбашевъ.

обоихъ сѣней. Тутъ же во дворѣ стояла изба столовая на подклѣтѣ съ круглыми сѣнями, далѣе шли погребъ ледникъ, конюшня съ клѣтью. Со стороны площади стояла ограда съ двумя воротами. На заднемъ дворѣ построены были хозяйственныя строенія: два анбара запасныхъ, анбаръ солицой, да поварня, да приспѣшня⁽¹⁾, да хлѣбня, да житница запасная. (Писц. кн. стр. 34-я) Затѣмъ въ Писцовой книгѣ есть любопытная приписка, поясняющая намъ грамоту Царя Ивана Васильевича 13-го Августа, 1555 года⁽²⁾, а отчасти и самую мѣстность около архіепископскаго дома. Въ Писц. книгѣ (стр. 34) сказано: «да архіепископужъ отмѣрили подъ конюшенній дворъ пустово порозжево мѣсто по старое архіепископуля двора, за мостомъ Дмитріевскіе улицы, у Тезицкаго врага на взгорьѣ межъ мосту и годовальщиковъ дворовъ, отъ большиє улицы къ Дмитріевскимъ воротамъ по правой сторонѣ въ длину 24 сажени, а поперекъ отъ мосту къ годовальщиковымъ дворамъ 9 саженъ съ полусаженью; а приписали порожжее мѣсто на конюшенній дворъ, что были конюшни на архіепископули дворѣ въ тѣснотѣ близко хоромъ.» Во грамотѣ Царской эта прибавка земли къ Архіепископскому двору, сдѣланная по просьбѣ Св. Гурія, означена такъ: «да архіепископужъ прибавлено мѣсто въ городѣ, къ его двору по Большую улицу, по Тезицкій по первый переулокъ.» Для объясненія, нужно обратиться къ тому, что было высказано нами при определеніи общаго характера Казанской мѣстности. Казань стояла на мѣстѣ гористомъ, пересѣченномъ оврагами и веровностями. Наблюдая мѣстность, на которой стоитъ Кремль настоящаго времени, нельзя не замѣтить, что средина Кремля, гдѣ идетъ большая улица, представляетъ самую возвышенную линію кремлевской площади; отъ нея въ обѣ стороны почва спускается склонами къ восточной и западной линіямъ кремлевской стѣны. Прежде эти склоны были еще круче.—Преображенскія ворота совершенно въ настоящее время завалены землею такъ, что

(1) О первыхъ двухъ постройкахъ мы сказали выше; приспѣшня же—наша кухня.

(2) Акт. Историч. т. I № 162-й.

арка ихъ возвышается надъ почвою липъ на аршинъ. Въ правой боковой спускъ кремлевской горы врѣзывались съ сѣверо-востока остроги Тезицкаго оврага, постоянно размываемые весеннею и дождевою водою; одинъ изъ такихъ водоспусковъ шелъ по направлению къ Димитріевскимъ воротамъ. Онъ и доселъ сохранился и оканчивается особой сквозной аркой подъ башней, находящейся на дворѣ Казанскихъ Присутственныхъ мѣстъ. Чрезъ этотъ оврагъ былъ устроенъ мостики, приходившійся противъ Димитріевскихъ воротъ и лежавшій на той улицѣ, которая вела къ церкви Димитрія Селунскаго и потому называлась Димитріевской. Отъ этой улицы около городовой стѣны шелъ глухой переулокъ, называвшійся Тезицкимъ, потому что онъ велъ Димитріевскими воротами въ Тезицкій оврагъ, который, какъ мы сказали выше (стр. 9-я), охватывалъ кремлевскую гору съ юго-восточной стороны. Въ этотъ переулокъ выходили заднія ворота Государева двора, и въ немъ стояли дворы годовальщиковъ, т. е. дѣтей боярскихъ, поселившихся на казенной землѣ и платившихъ въ казну годовую плату. Теперь намъ понятно будетъ измѣреніе новаго архіепископскаго мѣста: оно простиралось отъ Большой улицы къ городовой стѣнѣ или точнѣе къ Тезицкому переулку на 24 сажени,—это мѣра поперечнаго пространства Государева Двора, который лежалъ на той же линіи:—а въ ширину было отмѣreno отъ моста къ дворамъ годовальщиковъ 6-ть сажень. Такимъ образомъ этотъ дворъ занималъ мѣсто нынѣшниго дома Соборянъ, который недавно построенъ на мѣстѣ коношенаго архіерейскаго двора.

Во время архіепископства святителя Германа въ 1566 году у архіепископа были слѣдующія населенные земли и угодья: Село Тарлаши, гдѣ былъ лѣтній архіепископовъ дворъ и гдѣ жили дворецкій его Мѣшаевъ и архіепископскій боярскій сынъ Шемякинъ; починки—Тарлашевскій, Смолово-Займище и Екшайковъ, село Карапшъ на р. Мешѣ, село Коракчей-Кабанъ, село Великъ-Кабанъ, деревня Четова, починки—Девлетъ-Кильдеевъ, Федъковъ починокъ, пустоши Ивачей-Кабанъ и Кумкесъ. Да еще вмѣсто взятыхъ у архіепископа дальнихъ деревень, отписанныхъ на новыхъ Казанскихъ жильцовъ, даны деревни Кульмаметева, Аметева, Круглая-Поляна и пустошь Ку-

земетева. Противъ грамоты Грознаго свят. Гурю отъ 13 Августа, 1555 года, мы видимъ значительное измѣнение въ имѣніяхъ архіепископскихъ. Всего за архіепископомъ состояло 176 дворовъ крестьянскихъ. Въ прежнихъ имѣніяхъ было 11-ть вытей, изъ которыхъ 8-ми вытей крестьяне «за доходъ пашутъ на архіепископа десятины, по десятинахъ ржи, да по десятинахъ яри, 3-хъ вытей крестьяне сидять на льготѣ; 14 дворовъ татарскихъ сидѣли на ясакѣ, платили по полтинѣ съ двора; 18-ть сидѣли на льготѣ; чуваши Тарлашевскіе Кабанскіе и Кураишевскіе платили съ своихъ бортныхъ ухожаевъ (съ бортнаго пчеловодства) 27-мъ батмановъ меду. Съ деревень новой дачи, въ которыхъ было 14 вытей, архіепископу платила барщинною запашкой по десятинахъ ржи и по десятинахъ яри. Съ рыбныхъ ловлей на Волгѣ, на Царевомъ озерѣ (подъ Казанью) и по Казанѣ получалъ архіепископъ платы 76 рублей; сверхъ того давалось архіепископу «Государевой рыбы съ Камского Ѣзу, зимней ловли, 15 лососей, 10 шеврюгъ и 5 осетровъ». Это перечисленіе доходовъ Казанскаго архіепископа чрезвычайно любопытно для насъ, такъ какъ даетъ намъ понятіе о мѣрѣ этихъ доходовъ, о размѣрѣ оброка и о способѣ заселенія монастырскихъ имѣній. Въ описи этихъ имѣній поражаетъ насъ также одна хозяйственная черта, черта предусмотрильного скопидомства, такъ похожаго на скопидомство Домостроя, по правиламъ котораго ничто не должно пропадать въ хозяйстве, потому что добрый хозяинъ рожится и за кошечкой, которая рубль стережетъ. Вотъ примѣръ, представляемый Писцовою книгою. Въ Казанскомъ уѣздѣ, у рѣки Казанки стояла архіепископская мельница на истокѣ, который вытекалъ изъ-подъ Лысой горы. Эту мельницу сдѣлалъ крестьянинъ Тимоѳей Ступишинъ, а сынъ его продалъ эту мельницу арх. Герману. При этой покупкѣ мельницы Казанскіе дьяки Кузьма Федоровъ да Оменя Васильевъ наложили на эту мельницу оброка на годъ по два рубля, послѣ льготныхъ лѣтъ съ 1567 года съ 2-го Мая. Но архіепископъ Германъ былъ чедомъ Государю, чтобы этотъ оброкъ съ его мельницы «сложить и Государь Богомольца своего архіепископа Германа пожаловалъ—велѣлъ съ той мельницы оброкъ сложити и по Государеву наказу писцы записали за архіепископомъ мельницу безоброчно.» (стр. 68.)

Скажемъ нѣсколько словъ о святителе Германѣ. Святитель Германъ изъ рода Садыревыхъ—Полевыхъ, происходившихъ отъ рода князей Смоленскихъ, прибылъ въ Казань вмѣстѣ съ архіепископомъ Гуріемъ, и былъ назначенъ архимандритомъ Свіяжского Богородицкаго монастыря; архіепископомъ Казанскимъ сдѣланъ въ 1564-мъ году, пасъ церковь Божію З-ри года и 8-мъ мѣсяцемъ. «Преставлена въ лѣто 1567-е, Ноября въ 6-й день, замѣчаетъ Платонъ Любарскій въ своей краткой исторіи Казанской Епархіи, на основаніи Житія святителя, (1) въ Москвѣ во время мороваго повѣтрія.» Но Курбскій въ своей Исторіи Князя Великаго Московскаго (2) относить смерть его къ гораздольному періоду; по его разсказу св. Германъ былъ вызванъ изъ Казани въ Москву ранѣе возведенія св. Филиппа на Московскую митрополію; онъ уже занялъ палаты митрополичьи, но колебался изъять свое согласіе на приняніе митрополіи, а между тѣмъ старался своими бесѣдами вразумить Іоанна IV; любимцы царскіе и между ними Басмановъ съ сыномъ, боясь вліянія на царя новаго митрополита, упросили Грознаго удалить св. Германа въ свою епархію, и Государь послушался ихъ навѣтъ, велѣлъ выгнать Германа изъ митрополичьихъ палатъ, говоря: «еще на Митрополію не возвведенъ еси, а уже мя неволею обязауешь!» На третій день нашли святителя мертвымъ на его подворья и многіе подозрѣвали, что приближенные царя или отравили или удушили его, по повелѣнію царскому. Такимъ образомъ смерть св. Германа Курбскій относить ко времени ранѣе 1566-го года, іюна 20 дня, въ которой подписана была запись о назначеніи св. Филиппа Московскімъ митрополитомъ.(3) Подписи св. Германа подъ этою записью нѣть въ числѣ подписей семи святителей, утвердившихъ ее. Въ Писц. книгахъ вездѣ, гдѣ дѣло касалось имѣній архіепископа, записывалось: «а на тѣхъ земляхъ и на бортныхъ ухожахъ и на пашняхъ и на рыбныхъ ловляхъ предъ казанскими писцами... Казанскій и Свіяжскій архіепископ-

(1) Сборникъ Любар., стр. 63-я.

(2) Сказанія Курб., ч. I, стр. 161-я.

(3) Собр. Госуд. грамотъ, I, 557.

Германъ велѣлъ положити Государеву Цареву и Великаго Князя грамоту жалованную съ красною печатью, что Государь пожаловалъ прежнева архіепискупа Гурья.»⁽¹⁾ Эта запись Писцовой книги была сдѣлана въ 7075 (1567) году.⁽²⁾ такимъ образомъ показаніе Курбскаго о смерти св. Германа является несправедливымъ,—ретивый противникъ Грознаго наклепалъ на него новое небывалое преступленіе.

Выше мы замѣтили, что Казанская аристократія захотѣла имѣть въ городѣ свою церковь и построила церковь Введенскую. Церковь эта имѣла придѣль во имя святит. Николая. «Все построеніе и церковное строеніе воеводское, да годовальщиковъ», говорится въ Писцовой книгѣ. Впрочемъ Государь пожертвовалъ въ церковь, по обыкновенію, евангеліе въ мѣдномъ окладѣ, деревянные сосуды, холщевые ризы и стихарь, даже положилъ попу руги 4-ре рубля въ годъ, да 11-ть четвертей хлѣба и т. д. Но мы должны здѣсь замѣтить, что царскія пожертвованія въ новопостроенные Казанскія церкви имѣли неоспоримую цѣнность въ отношеніи снабженія церквей книгами. Во всѣ эти церкви, по Писцовыми книгами, царь Іоаннъ IV жертвовалъ слѣдующія книги: слѣдованныя псалтири, общія минеи, служебники, шестодневцы (книги со службами седьмичными и воскреснаго дня осьми гласовъ),⁽³⁾ Евангелія и Апостолы. Почти всѣ книги эти были письменныя, стоявшія въ тогдашнее время очень дорого, потому что переписчики употребляли на трудъ переписки одной книги по нѣсколько лѣтъ; мы видѣли выше, что св. Варсонофій на переписку Устава употребилъ нѣсколько лѣтъ, да и то самъ не докончилъ Устава, а докончилъ его Никифоръ Ярославецъ. Мы знаемъ изъ исторіи, что Іоаннъ IV, нуждаясь въ церковныхъ книгахъ для вновь строящихся церквей, велѣлъ скупить книги по торгамъ, но очень мало оказалось книгъ годныхъ и исправно переписанныхъ; это навело его на мысль учредить въ Россіи

(1) Писц. кн., стр. 70-я.

(2) Тамъ-же, стр. 65-я.

(3) Церк. Словарь Пр. Петра Алексѣева, т. IV, стр. 370-я.

книгопечатаніе, и онъ началъ это дѣло, по благословенію митрополита Макарія. Хотя и сохранилось подъ 1556 годомъ извѣстіе о какомъ-то печатникѣ Мартинѣ Нефедьевѣ, однако мы знаемъ достовѣрно, что только 1-го марта 1562 года вышла изъ печати первая русская книга «Апостоль» въ томъ видѣ, какъ она нынѣ печатается для Церковнаго употребленія. При изданіи этой книги русскихъ мастеровъ Ивана Федорова и Петра Метиславца руководили немцы. Въ 1565 году вышелъ изъ печати Часословъ; въ 1568 была напечатана Псалтирь въ Москвѣ Андроникомъ Невѣжею. Но книгопечатаніе у насъ на этомъ, кажется, пока и остановилось. Въ Россіи существовала масса писцовъ полуграмотныхъ, которые продолжали наводнять Русь безтолковыми рукописями, пріобрѣтая своимъ ремесломъ значительные барыши. (1) По всей вѣроятности, всѣ книги, пожертвованыя царемъ, были рукописныя, скупленныя по рынкамъ. Впрочемъ въ числѣ книгъ, находившихся въ это время въ Казанскихъ церквяхъ, были и печатные; въ описи Соборной упоминается между прочимъ: «осмеры псалмы Давидовы печатные» (Писц. кн. стр. 17-я). Недостатокъ и дороговизна книгъ заставляла при Богослуженіи обходиться лишь самыми нужными. Въ церквяхъ не было Устава, который значится лишь въ монастырской и соборной описяхъ (Писц. кн. стр. 16-я и 32-я); точно также не было Тріодей Цвѣтной и Постной, Миней мѣсячныхъ,—онъ были лишь въ монастырѣ и въ Соборѣ.

Церковь Введенія Пресвятой Богородицы, по описанію Писцовой книги, стояла въ Кремлѣ, близъ Царскаго двора (Писц. кн. стр. 22-я) По нашему мнѣнію, подъ царскимъ дворомъ здѣсь нужно разумѣть бывшій ханскій дворъ, дворъ Казанскихъ татарскихъ царей. Въ 1566 году дворъ этотъ стоялъ на его прежнемъ мѣстѣ, но отъ него чрезъ четырнадцать лѣтъ по взятии Казани осталось лишь нѣсколько ветхихъ палатъ; мѣсто же его еще хорошо помнили и эти развалины назывались «Царевъ дворъ», «старый Царскій дворъ», «Царскій дворъ». Дворецъ Покорителя Казани, въ отличие отъ первого, называли «Государевъ дворъ».

(1) Ист. Рус. Литер. Полеваго. 1874 г. стр. 121-я.

Писцовая книга при измѣрени Кремля въ длину, какъ мы видѣли выше, (стр. 75-я) строго различаетъ оба двора. У насъ до принятія царскаго титула русскимъ Государями⁽¹⁾ называли однихъ татарскихъ хановъ Царями. Въ Царственной книгѣ⁽²⁾ говорится «и повелъ Государь едину улицу въ Казани очистить къ Цареву Двору, отъ Муралеевыхъ воротъ мертвыхъ поснести и едва очистили.» Постѣ этого Иоаннъ IV вѣхалъ въ городъ съ своими приближенными и свитой и вошелъ въ царскій дворъ. Дворъ грозныхъ для Россіи Казанскихъ хановъ былъ пустъ, полуразрушенъ и разграбленъ во время штурма. «Прежде, замѣчается Царственная книга, на томъ дворѣ нечестивые цари водворялись и многая кровь Христіанская по многу лѣтъ проливалася и много бѣдъ Христіане принимало, пынѣ-жъ въсія на немъ праведное солнце. Животворящій Крестъ»⁽³⁾ Другое сказаніе о взятии Казани, принадлежащее самому видцу и дѣятелю Казанской осады, князю Курбскому, описываетъ точно также мѣстоположеніе Ханского дворца — «Отъ Казани-рѣки гора такъ высока, яко окомъ взирѣти прикро, на ней градъ стоять и палаты царскія.»⁽⁴⁾ Припомнимъ, что Курбскій стоялъ за Казанкою, около слободы Гришки, противъ пынѣшняго Дворца и Воскресенскихъ воротъ; следовательно дворцовый зданія представлялись предъ нимъ прямо около вынѣшней Сумбекиной башни. Но мы ошиблись бы, если бы представили Царевъ или Ханскій дворъ на томъ мѣстѣ, где стоять вынѣшней Казанскій дворецъ, опять занимать положеніе противъ Собора и по правую сторону Сумбекиной башни, на вынѣшней дворцовой площади, онъ состоялъ изъ иѣсколь-

(1) Иоаннъ IV принялъ титулъ царя въ 1547 году.

(2) Царств. книга стр. 311-я. Слово царь никакъ нельзя считать испорченнымъ словомъ «Caesars». Эти два слова рѣзко отличаются уже въ Остромировомъ Евангелии: въ 16 стихѣ. XIX гл. отъ Иоанна читаемъ: *не иначе царя тикъмо кесара*. Слово «царь» явно восточного происхожденія,—по-персидски оно значитъ «tronъ или верховную власть: по-еврейски—это титулъ Государя.

(3) Царств. кн. стр. 12.

(4) Курб. 21 стр.

кихъ каменныхъ строеній или палатъ, въ родѣ тѣхъ, какія находились недавно въ Болгарахъ; эти палаты были сдѣланы изъ известковаго камня и изъ кирпича. Въ то время, когда составлялась Писцов. книга, въ бывшихъ постройкахъ Царева двора хранилась Государева Царя и Великаго Князя казна, городовой парадъ: въ одной палатѣ стоялъ порохъ, селитра, свинецъ, (стр. 8-я), въ другой было устроено сушило. (стр. 34) *Sic transit gloria mundi!* Въ этотъ-то бывшій дворецъ 2-го Октября 1552 года торжественно вступилъ Царь Иванъ Васильевичъ, войдя въ Казань чрезъ Муралеевы или Воскресенскія вороты. Что касается до тожественности Воскресенскихъ воротъ съ Муралеевыми, то это подтверждается сохранившимся донынѣ Тайницкимъ ключемъ, текущимъ изъ подъ башни этихъ ворогъ и составляющимъ предметъ благочестивыхъ путешествій татаръ и доселѣ. Полоняники и Камай Мурза «сказывали Государю, говорится въ Царственной книгѣ, что есть у татаръ тайникъ отъ Казани отъ рѣки, у Муралеевыхъ воротъ ключъ къ берегу, аходить къ нему по подземелью.»⁽¹⁾ Понятно, почему Царь Ioannъ IV избралъ этотъ короткій путь отъ Муралеевыхъ воротъ къ Царскому дворцу для перваго вступленія въ Казань. Казань была полна труповъ, утомленныя войска не могли скоро очистить городъ, стѣны котораго съ другихъ сторонъ были разрушены и лежали въ развалинахъ; русскіе наскоро только оттащили трупы съ пути царскаго шествія и Ioannъ, входя въ Казань, видѣлъ ужасное зрѣлище искаженныхъ и обезображеныхъ труповъ татарскихъ, которые лежали грудами на Царскомъ дворѣ. «И восславася погибели ихъ, рече: аще нечестиви, обаче Богомъ сотворении человѣцы!»⁽²⁾ Такимъ образомъ Писцовая книга решаетъ намъ вопросъ, гдѣ былъ Казанскій Ханскій дворецъ, вопросъ, или вовсе ничѣмъ не решавшійся, или же решавшійся чрезвычайно неправдоподобно⁽³⁾, начиная съ описаній Казани Рыбушкина и Рыч-

(1) Царст. кн. стр. 284.

(2) Лызлова стр. 138.

(3) Крат. Ист. Казани. Рыбушкина. 1834 г. стр. 31.

кosa⁽¹⁾ до описанія ея Лаптевымъ.⁽²⁾ предполагавшиъ мѣсто Ханскаго двора на Воскресенской улицѣ.

Наконецъ попытаемся сказать иѣсколько словъ о башнѣ, доселѣ сохранившейся въ Казани, подъ названіемъ Сумбекиной или Сююнбекиной. Дѣйствительно ли эта башня остатокъ древней татарской Казани? Сумбека (Сююнбека), жена умершаго Казанскаго царя Сафагирея, была взята съ своимъ сыномъ Утешить-тиреемъ изъ Казани въ Москву. «1551 года, Сентября 5 дня привезли царя и царицу Казанскихъ къ Государю въ Москву, даъ Богъ здраво». замѣчаетъ Царственная книга. (стр. 181) Царственная книга разсказываетъ, что это было сдѣлано, по повелѣнію Иоанна IV, въ видахъ прекращенія въ Казани Крымской династіи и для утвержденія на Казанскомъ престолѣ царя Шигалея.⁽³⁾ Когда Шигалей вовсе оставилъ Казань и приѣхалъ въ Москву, онъ просилъ у царя Иоанна IV позволенія жениться на Сююнъ-бекѣ⁽⁴⁾, да и самъ царь о намѣреніи своемъ выдать за него царицу писалъ отцу ея князю Юсуфу въ особой грамотѣ⁽⁵⁾, посланной въ февраль 1552 года. Писатель Исторіи о Казанскомъ царствѣ разсказываетъ дѣло иначе.—Онъ пишетъ, что царица была выдана за Шигалея, когда онъ былъ посланъ царемъ въ Казань; но изъ ненависти къ нему и злости поднесла мужу кушанье съ ядомъ и пакодованную рубашку, во предупрежденій царь Шигалей далъ отвѣдать кушанье собакѣ, а рубашку велѣлъ падѣть на татарина, приговоренаго къ смерти, та и другой умерла тотчасъ-же. Послѣ этого Шигалей выслалъ царицу съ сыномъ въ Москву.⁽⁶⁾ Авторъ «Изслѣдованія о Касимовскихъ Царяхъ и Царевичахъ» замѣчаетъ: «Рассказъ о власти, которою Сююнъ-бека пользовалась по смерти Сафаги-

⁽¹⁾ Опытъ Казан. исторія. 1767 г. стр. 160 и 176-я.

⁽²⁾ Матер. Геогр. и Стат. Рос. Губ. Казан. Лаптева 1861 г. стр. 555 и 556-я.

⁽³⁾ Царств. кн. 179 и слѣд.

⁽⁴⁾ Ник. лѣт. VII. 115.

⁽⁵⁾ Прод. Древ. Рос. Вивалюэ. VIII. 310. Истл. о Касим. цар. я дарев. I, 365.

⁽⁶⁾ Истл. о Каз. цар. стр. 138.

рея во все время царствованія Утяминь-гирея, о тогдашней связи ея съ извѣстнымъ Кучакъ-Огланомъ и о томъ, какъ она едва не отравила Шахъ-Алія можно видѣть въ Исторіи о Казанскомъ царствѣ. (Ик. 129—152, Подр. лѣт. II, 116—135). Быть можетъ, прибавляеть г. Вельяминовъ-Зерновъ, въ этомъ разсказѣ заключается и доля правды. Сююнъ-бека, по увѣренію сочинителя Исторіи о Казанскомъ царствѣ, была по времени выхода своего за мужъ за Сафагирея, одною изъ меньшихъ его женъ, а именно пятої. Если это и было такъ, то она, должно быть, считалась старшей его супругой, по вліянію ея отца и по той зависимости, въ которой онъ могъ держать Сафа-гирея, обязанного ему престоломъ: недаромъ ребенокъ Угамишь, въ 1549 г. несмотря на происки противной партии, желавшей имѣть «сверстнаго» царя, былъ признанъ ханомъ помимо старшихъ его братьевъ, рожденныхъ отъ другихъ женъ.» (Изсл. о Касим. цар. и царев. т. I, стран. 349-я). Утяминь-гирей, послѣ его привезенія въ Москву, въ сентябрѣ 1555 года крещенъ и названъ Александромъ; умеръ въ 1566 г. и положенъ въ Архангельскомъ Соборѣ въ Москвѣ. Разсказъ повторяютъ Лызловъ⁽¹⁾ и Степенная книга. Глазатовъ,⁽²⁾ по обыкновенію своему, придаетъ поэтическій оттѣнокъ своему разсказу, онъ, по примѣру Плача Ярославны въ Словѣ о Полку Игоревѣ или великой княгини Евдокіи въ Похвальномъ словѣ Димитрю Донскому, помѣсть на страницахъ своего разсказа плачъ и Сумбеки.⁽³⁾ Предъ отѣздомъ изъ Казани она вошла въ ту мечеть, гдѣ былъ гробъ царя Сафагирея и, упавши предъ нимъ, горько плакала. Народъ видимо ей сочувствовалъ и въ городѣ произошло волненіе, грозившее обратиться въ вооруженное восстаніе: но власти не дали татарамъ зола, а разогнали татаръ по домамъ *шалыгали и ботоили*. Очень можетъ быть, что Глазатовъ передаетъ то, что видѣлъ самъ, подкрасивши разсказъ. Во всякомъ случаѣ преданіе объ отѣздѣ царицы Сумбеки изъ Казани, опоэтизированное молвой, сохранилось долго и у татаръ, и у русскихъ: у та-

(1) Лызлова, стр. 115-я.

(2) Степ. кн., стр. 17-я, гл. 10-я.

(3) Ист. о Каз. царствѣ, гл. XXXIX, стр. 140 и слѣд.

тарь сохранилось оно потому, что съ отъѣздомъ царицы и царевича, сына храброго и умнаго Сафагирея, настали для Казани черные дни: у русскихъ это преданіе распространено было многочисленными списками Казанской Исторіи и нашло готовую почву въ томъ сочувствіи, которое русскій человѣкъ способенъ питать къ покорившемуся врагу. ⁽¹⁾ Мы позволяемъ себѣ сдѣлать предположеніе, что название «Сумбекиной» этимъ же преданіемъ перевесено было на ту мечеть, гдѣ погребались Казанские ханы и которая была свидѣтельницей послѣднаго прощанія царицы съ Казанью. Писцовая книга иѣсколько разъ упоминаетъ о стоявшей близъ воротъ Муралеевыхъ мизити (мечети), что *была Муралеева*: по тому поводу, что противъ этой мечети стоялъ дворъ Илантовскаго монастыря (стр. 34 и 35), и что у мечети же была Муралеева палата, гдѣ хранились пушечные лафеты, колеса и пушки деревянные. (стр. 9.) Покойный Капитонъ Ивановичъ Невоструевъ спрашивало замѣтилъ въ выносѣ къ списку Писц. книги: «Не Сумбекина ли это мечеть?» Очень можетъ быть, что эта мечеть была построена знаменитымъ Казанскимъ княземъ Муралеемъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ переговорахъ Шигалея съ Московскими послами и съ самимъ царемъ Ioannomъ IV и старавшимся во что бы то ни стало уладить несогласія русскихъ съ Казанцами мирнымъ путемъ. Этимъ посредникамъ, какъ доказываетъ вѣковой исторической опытъ, всегда подъ конецъ приходится пить горькую чашу, несмотря на то, что ихъ памѣрѣвѧ иногда бываютъ очень честныя. Въ концѣ концовъ они садятся между двухъ стульевъ и навлекаютъ на себя подозрѣніе и недовольство обѣихъ сторонъ. Муралей, посланный въ послѣдній разъ предъ бѣгствомъ Шигалея изъ Казани въ Москву, для переговоровъ, просилъ Государя дозволить ему не возвращаться въ Казань, а оставаться у Русскихъ, въ Казань же послать за его жепами.⁽²⁾ Въ

⁽¹⁾ Дѣйствительно, судьба Сююнь-беки заслуживаетъ полного сочувствія. Сначала жена царя Джанъ-Али (Энадея), она послѣ него, какъ жертва политики, переходитъ къ Сафа-гирею, а отъ него къ Шигалею.

⁽²⁾ Царств. кн., 191-я стр.

Царственной книгѣ полный титулъ Муралеевъ: «Карабъ Казанскій большой. Ширипъ, Муралей князь Булатовъ». (1) Послѣ ухода Муралея изъ Казани о немъ ничего не упоминается въ лѣтописяхъ, только въ Разрядной книгѣ 7085 года значится, что Иоанномъ IV велико было къ Ливонскій походъ «изъ Новгорода съ татарами идти *Муралею* съ товарищи, а татарамъ стать въ Новгородѣ на срокъ на Вознесеньевъ день.» (2) Не тотъ ли это Муралей, о которомъ намъ разсказываетъ Царственная книга? У магометанъ строить мечети считается дѣломъ богоугоднымъ. Муралей, вѣроятно, перестроилъ или украсилъ мечеть, гдѣ погребались Казанскіе ханы. Что именно здѣсь стояла мечеть, гдѣ погребались цари Казанскія и гдѣ, по всей вѣроятности, плакала несчастная Сююнбека, подтверждаетъ князь Курбскій, который говоритъ, что именно на горѣ отъ Казанки стояли «палаты царскія и мечети зъло высокія муроанныя, идѣже ихъ умершіе цари клались числомъ,помнится мнѣ, пять.» (3) Вотъ почему Писцовая книга упоминаетъ не только о мечети, но и о нѣсколькихъ палатахъ. Въ день приступа Курбскому пришлось идти на приступъ отъ Казанки на Кремлевскую гору; «потекохомъ, разсказываетъ онъ, ко градскимъ стѣнамъ и къ той великой башнѣ, иже предъ враты стояла на горѣ.» (4) Все это доказываетъ существованіе въ Татарской Казани высокаго минарета или башни въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоять Сумбекина башня. Очень можетъ быть, что эта башня неправильно носить название Сумбекиной башни, очень можетъ быть, что ея форма измѣнена, но о принадлежности ея къ старинной мечети едвали можетъ быть сомнѣніе. При первомъ взглядѣ на башню вы видите, что

---

(1) Царств. кн., стр. 189-я. Имя Карабіевъ принадлежало по праву бикамъ главныхъ дворянскихъ родовъ въ Крыму, которыхъ считалось четыре: *Ширипъ, Барынъ, Арынъ* и *Кыпчакъ*. Муралей былъ изъ рода Ширипъ, изъ которого происходила вторая жена Сафа-Гирея.

(2) Древ. Рос. Вивлію., т. XIV, стр. 357.

(3) Курб., стр. 24.

(4) Тамъ-же, стр. 36-я.

три нижнихъ этажа ея несомнѣнно древней постройки, и рѣзко отличаются отъ остальныхъ.

Расположеніе улицъ въ Кремлѣ было приблизительно такое. Посреди Кремля во всю его длину отъ Спасскихъ къ Воскресенскимъ воротамъ шла *Большая улица*, которая имѣла нѣсколько переулковъ. Первый переулокъ слѣва велъ въ Преображенскія ворота, мимо монастырской ограды и церкви Кипріана и Устины. Въ этомъ переулкѣ по правую руку стоялъ конюшенный дворъ Спасо-Преображенского монастыря и здѣсь же «около Кипріана святаго» были расположены «четыре тюрьмы—опальная, да двѣ татинныя, да женская; а у тюремъ изба сторожевая» (караульня, гаубвахта.) (Писц. кн., стр. 35-я). Другой переулокъ шелъ нѣсколько далѣе и также налево, противъ Соборной Благовѣщенской Церкви. Онъ велъ въ улицу, шедшую паралельно западной сторонѣ Кремлевской стѣны; въ этой улицѣ стояла церковь пр. Сергія около городовой стѣны и стояли дома тогдашнихъ младшихъ воеводъ Казани, о которыхъ мы говорили выше (см. стр. 25-я); этотъ переулокъ, вѣроятно, велъ къ Никольскимъ воротамъ. За Соборною Церковью стояли дворы дьяковъ (Писц. кн. стр. 35-я), здѣсь же и у *мизгити* (мечети), что была *Муралеева*, расположены были дома дѣтей боярскихъ, старыхъ и новыхъ жильцовъ и иногородныхъ дѣтей боярскихъ. На Большой же улицѣ, на лѣвой сторонѣ стояли дворы—Тровцкаго игумена Давіила и дворъ Сергиевскаго игумена,—это были, вѣроятно, настоятели двухъ церквей Троице-Сергиевской Лавры, холодной—Сергиевской и теплой—Троицкой. Объ этихъ игуменахъ говорится и въ Царственной книгѣ⁽¹⁾, когда описывается освященіе мѣста для постройки Благовѣщенскаго Собора, которое совершилъ Андрей протопопъ и игумены. Въ сѣверной части Кремля находился непроходной, неправильной формы переулокъ—*туникъ*; миновавши этотъ переулокъ около сѣверо-восточной стороны городовой стѣны можно было войти въ улицу, дохodившую до Димитревскихъ ворогъ и потомъ далѣе до Государева Дворца, эта улица пересѣкалась, какъ мы выше сказали, Тезицкимъ переулкомъ. На этой улицѣ и

(1) Царств. кн., стр. 315-я.

на Большой стояли дворы священниковъ и архіепископскихъ людей, а также сторожей, часовниковъ и т. п. Вотъ общий планъ Казанского Кремля XVI вѣка, сколько возможно возстановить его по отрывочнымъ выраженіямъ Писц. книгъ. Прибавимъ къ этому, что въ Кремль XVI в. была площадь около Собора и Архіепископскаго двора, на этой площади стояли развалины бывшаго дворца казанскихъ татарскихъ Царей, между которыми уцѣлѣли и остатки Муралиевой мечети. Кремлевскія стѣны стояли не на одной плоскости; на сѣверѣ они заходали и повышались къ Муралиевымъ или Воскресенскимъ воротамъ, а отъ этихъ воротъ стѣна шла довольно крутымъ подъемомъ на дворцовую гору, гдѣ и соединилась съ острогомъ.

Оканчивая эту главу, въ которой мы близко коснулись богослуженія въ церквяхъ Казани XVI вѣка и быта ея духовенства, во главѣ которого стояли дорогія для Казани личности первыхъ ея іерарховъ—просвѣтителей; мы находимъ не лишнимъ сказать два-три слова о библіотекахъ соборной Благовѣщенской и монастырской Спасской. Въ этомъ случаѣ описи Писцовой книги даютъ намъ довольно богатый материалъ. Изъ этихъ описей мы узнаемъ, какія это были книги, которыми спабдилъ Грозный посланаго въ Казань на архіепископію свят. Гурія и другихъ его спутниковъ. Въ Житіи святителей есть замѣтка, что при избраніи св. Гурія въ архіепископа Казанскаго края, Ioannъ IV «далъ многія книги изъ своей царской казны, къ тому же и изъ монастырей повелѣлъ къ архіепископу приносити образа, а властямъ—книги.» (¹) Здѣсь, конечно, нужно разумѣть не однѣ лишь богослужебныя книги, но дупликаты переводовъ съ греческаго замѣчательныхъ произведеній большою частію духовнаго содѣянія. Въ Москвѣ у великихъ князей находилась обширная библіотека рукописей не только славянскихъ и русскихъ, но и греческихъ и латинскихъ. Говорятъ, когда Максимъ Грекъ былъ приведенъ въ эту самую велико-княжскую библіотеку Василіемъ Ioанновичемъ, то онъ сказалъ, что въ ней собраны такія богатства, какими не

(¹) Сборн. Любарск., стр. 15 и 16-я.

обладаетъ и Италия, что въ ней хранятся многія творенія богослововъ, истребленія фанатизмомъ латинянъ и варварами магометовыми. ⁽¹⁾ Другое извѣстіе о замѣтной библіотекѣ царской сохранилось въ хроникѣ рижскаго Бургомистра Ніенштедта. Оно разсказываетъ, что лютеранскій пасторь города Дерпта Веттерманъ, взятый въ плѣнъ при Грозномъ, видѣлъ эту библіотеку, благодаря тому уваженію, которымъ пользовался у царя, какъ человѣкъ ученый; онъ также съ удивленіемъ говорилъ о богатствѣ Великокняжеской библіотеки, гдѣ онъ видѣлъ огромное количество книгъ богословскихъ и классическихъ. ⁽²⁾ По нѣкоторымъ выдержкамъ изъ писемъ Грознаго видно, что ему знакомы были творенія классическихъ писателей и что для царя дѣлались переводы не однѣхъ богословскихъ книгъ, но латинскихъ и греческихъ писателей. Царскіе дьяки Иоанна IV предлагали Веттерману и тремъ иностранцамъ—Шрёфферу, Шрёдеру и Бракелю заняться переводами книгъ царской библіотеки и обѣщали за трудъ очень приличное вознагражденіе ⁽³⁾, но предусмотрительные нѣмцы отказались отъ этого, боясь, чтобы вольный трудъ не превратился въ подневольный въ томъ случаѣ, если бы Грозный вошелъ во вкусъ чтенія.

Професоръ Срезневскій гдѣ-то замѣтилъ, что Византійское влияніе имѣло важное образовательное значеніе на Русь потому, что греки въ то время, когда начали вліять на наше отечество, имѣли уже вполнѣ законченную богатую духовную литературу. Дѣйствительно, произведенія великихъ духовныхъ писателей были во множествѣ переведимы болгарами и русскими и распространены по Руси съ самыхъ первыхъ вѣковъ водворенія у насъ Христіанства. Въ Константинополѣ до взятія его турками сосредоточивалась обширная книжная дѣятельность русскихъ: тамъ одни изъ русскихъ переводили книги съ греческаго на славянскій, а другие списывали эти переводы и по-

⁽¹⁾ Карамз., VII, 107.

⁽²⁾ См. Хроника Ніенштедта: *Monimenta Livoniae antiqua*, 1839, II, 67. Ср. Жур. Муз. нар. просв. 1834 г., июнь, статью проф. Клоссіуса.

⁽³⁾ Журн. Муз. нар. просв., 1834 г., июнь, 404—413.

сылали въ Россію. Въ Студійскомъ монастырѣ, по сдѣланнымъ Стефана новгородца, (¹) жили русскіе въ XIV вѣкѣ и много переводныхъ книгъ посылали на Русь. Подобная же дѣятельность русскихъ сосредоточивалась въ другомъ Константинопольскомъ монастырѣ св. Предтечи, о чёмъ свидѣтельствуетъ другой русскій путешественникъ того же вѣка. (²) Въ Студійскомъ монастырѣ жилъ митрополитъ нашъ Каиріанъ и тамъ перевелъ онъ Лѣствацу съ толкованіями. (³) На Аѳонѣ эта переводная дѣятельность русскихъ была еще обширнѣе. Тамъ въ XI вѣкѣ уже упоминается русскій монастырь. Въ спискѣ имущества русскаго монастыря Ксилургу упоминаются русскія переводныя книги: ирмологіи, синаксары, пареміаки, мисиологии, номоканоны и творенія св. Ефрема Сирина. (⁴) Въ 1371 году монахъ русскій Исаій, перевелъ на славянскій языкъ Діонисія Ареопагита, съ толкованіемъ Максима и различные бесѣды Іоанна Златоуста. Изъ древнѣйшихъ рукописей русскихъ привезены изъ Аѳона—прологъ XIII вѣка и Тактиконъ Никона Черногорца XIV вѣка. (⁵) Кроме того въ Россію шли рукописи, переведенія еще раньше съ греческаго языка славянами. Мы имѣемъ свѣдѣнія, что Болгарскій князь Симеонъ, названный Книголюбцемъ, самъ перевелъ 136-ть избранныхъ словъ Іоанна Златоуста и назвалъ этотъ сборникъ Златоструемъ. Его сотрудникъ Іоаннъ, экзархъ болгарскій, перевелъ Богословіе и Философию (діалектику) Іоанна Дамаскина, и папіялъ Шестодневъ, пользовались трудами по этому предмету св. Василія Великаго и Іоанна Златоуста. (⁶) Мы достовѣрно знаемъ, что въ XV вѣкѣ переведены Патерикъ Скитскій (⁷) и поученія Исаака Сирина. Въ XVI вѣкѣ

(¹) См. Сказ. рус. нар. Сахарова, II. 53 и 54.

(²) Тамъ же, пут. Игнатія, стр. 100.

(³) Обзоръ Дух. Литер. Филарета, стр. 78.

(⁴) См. Христ. Чт. 1853 г. Окт. стацію «Русскіе инонди на Аѳонѣ» въ Чт. Моск. общ. Ист. и древн., 1846 г., № 4-й.

(⁵) Правост. Собесѣдникъ, 1859 г., декабрь, стр. 382 и 383.

(⁶) Си. Іоан. экз. Болгар. Калабовича, стр. 15, 75.

(⁷) Ист. Церкви, арх. Макарій III. 182.

въ великоиляжской библиотекѣ хранилась греческая Толковая Псалтирь, которая заключала въ себѣ 24 толкователя; для перевода этой Псалтири былъ вызванъ Максимъ Грекъ, но въ это время русскіе уже имѣли толковую псалтирь Аѳанасія, переведенную въ XII вѣкѣ. (1) Въ XVI вѣкѣ появляются переводы 16-ти словъ Григорія Богослова, *Маргаритъ* или собраніе поученій Іоанна Златоуста. и т. д.

Большую часть этихъ переводовъ лучшыхъ святоотеческихъ твореній мы находимъ въ библиотекахъ вышесказанныхъ Казанскихъ церквей XVI вѣка. Вотъ ихъ опись по Пасцовой книгѣ. При Соборѣ перечисляются книги: *три Евангелія воскресныя толковыя, Златоструй, Правила свят. апостолъ, Лъствица, два Евангелія толковыя Іоаннъ да Лука, евангелистъ толковой же Матеъй, Григорій Богословъ, Исаакъ Сиринъ, Симеонъ Новый Богословъ* (2), книга Кирила Йерусалимской, книга *Маргаритъ, Посниковые правила* (архиепископской прибавки), книга *Ефремъ Сиринъ*. (Писц. кн. стр. 16—17). Въ ризницахъ Преображенского монастыря хранились книги: *Евангелисты* въ двухъ книгахъ толковые, *Евангеліе воскресное толковое, Прологъ въ трехъ книгахъ на весь годъ, Патерикъ Скитскій, Псалтирь толковая, Патерикъ Печерскій, Патерикъ отца Даниила оевлогіи?*, два Трефолол—кануны новымъ чудотворцамъ, которые были канонизованы при митрополитѣ Макаріи Соборомъ, *Маргаритъ, Исаакъ Сиринъ, два Златоструя, Ефремъ Сиринъ, Григорій Богословъ, Діонисій Ареопагитской, Притчи евангельскія, Козьма Адиколовъ, Житія—Сергія чудотворца, Соловецкихъ чудотворцевъ*. (3) Ярославскихъ чудотворцевъ, книга *Синаксаръ, Василий Кесарійскій*. (Писц. кн., 31—32).

(1) Твор. Св. Отцевъ, годъ XVII, кн. II, стр. 190-я.
Обз. Рус. Дух. Лиг., стр. 14.

(2) Писатель XI вѣка; о немъ говорили: «Симеонъ достоинъ названія новаго Богослова, потому что онъ преподавалъ такія тайны внутренняго подвижничества, о которыхъ давно не слыхали. Ист. уч. обѣ Отц. Цер. Филарета, III стр. 404-я.

(3) Первое, вѣроятно, принадлежало Епифанію, а второе

Перечитывая эти описи, нельзя не замѣтить, что большее количество записанныхъ въ нихъ книгъ отяготится къ литературѣ аскетической, какъ и большая часть переводныхъ сочиненій съ греческаго, получившихъ свое начало въ келляхъ иноковъ. Благодаря массѣ переводныхъ сочиненій, въ древней Руси распространено было общее уваженіе съ иноческой жизни, какъ къ высшему проявленію Христіанства на землѣ. «Патерики, говоритъ проф. Буслаевъ, проникнутые восторженною поэзіею отшельнической жизни, были любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ отъ XI и даже до XVII включительно. Эти же аскетическія книги, отрывками внесенные въ прологъ, имѣли громадное влияніе на нашу древне-русскую литературу.»⁽¹⁾ Тѣмъ сильнѣе должны были любить чтеніе подобныхъ книгъ монахи, духовенство и все высшее грамотное сословіе Казани XVI вѣка, что это общество имѣло руководителями такихъ высокихъ представителей монашескаго житія, каковыми были первые архіепископы Казани. Что книги находили читателей, можно заключить изъ того, что нѣкоторая изъ нихъ (толковая Евангеліа, Златоструй и т. п.) имѣлись въ обѣихъ библіотекахъ въ нѣсколькихъ спискахъ. Между книгами Спасскаго монастыря была лишь одна мірская книга, а именно—переводъ «Христіанской Топографіи» Козьмы Индикоплова, но и то только потому, что она содержала въ себѣ опроверженіе мнѣнія о шарообразности земли, почитавшагося въ Византіи еретическимъ. По мнѣнію Индикоплова, земля не кругла, но есть ничто иное, какъ четырехъ-угольная плоскость, простирающаяся на четыреста дней пути отъ востока къ западу и ровно на половину этого отъ сѣвера къ югу; она окружена горами, на которыхъ опирается небо; одна изъ этихъ горъ на сѣверѣ очень высока такъ, что закрываетъ отъ пась лучи солнца и производить ночь; земля венчного наклонена къ югу, отчего рѣки, текущія на югъ, Евфратъ, Тигръ и другія быстры, а Нилъ, который направляется

матрополиту Спиридонію. См. Обз. Рус. Дух. Литер., стр. 119 и 166-я.

(1) Историч. очер. Рус. народ. слов. и искус. II, стр. 231, 232.

въ своемъ течениі на съверъ, по необходимости, долженъ течь медленно.

VI.

Казанскій посадъ XVI вѣка: гостиный дворъ главныя улицы, ихъ число и направлениe; входиаъ ли Булакъ въ татарскую Казань и въ татарскую крѣпость прежде и во время осады ея въ 1522 году; церкви, острогъ вокругъ посада, ворота Казанскаго острога, названія ихъ русскія и татарскія.

Казань шестидесятихъ годовъ XVI вѣка представляетъ много сходнаго въ расположениі ея улицъ съ современнаю Казанью, только необходимо принять во вниманіе, что тогда Казань представляла всѣ недостатки стариннаго города, а именно: неправильность улицъ, пресъчаность главныхъ улицъ множествомъ переулковъ неправильной формы, въ которыхъ дома часто стояли не по прямой линіи, а одинъ къ другому бокомъ, отчего въ самыхъ переулкахъ и на главныхъ улицахъ по линіи домовъ приходились глубокіе впадины въ сторону, имѣвшіе форму неправильныхъ треугольниковъ или глухихъ переулковъ, называвшихся Тупиками. Это послѣднее название сохранилось и доселъ во многихъ современныхъ нацъ старинныхъ русскихъ городахъ. Особенно неправильны были площади. Самыя улицы были узки, поверхность ихъ была неровна и холмиста, пресъкалась промоннами, чрезъ которыхъ перекидывались живые мостики; линія домовъ то подижалась, то повышалась сообразно неправильной поверхности улицы. Въ Писцовой книгѣ мы часто встрѣчаемъ выраженіе: дома стоять на вымѣль, т. е. на возвышенномъ мѣстѣ. Тѣснота улицъ, наполненныхъ исключительно деревянными постройками была причиною частыхъ пожаровъ, истребившихъ Казань до тла въ 1595, 1672, 1694, 1749, 1754 и 1774 годахъ⁽¹⁾. Однимъ словомъ — до конца XVIII

(1) Кратк. Ист. гор. Казани. Рыбушкіна. Изд. 1-е, ч. I, стр. 10-л.